Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 70 2009 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

4 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо 9-е и 10-е

5 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

7 **ПРИЗВАНИЕ МОНАХА**
Из писем старца Паисия Святогорца

10 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

14 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Апокалипсис в нашей жизни», ч. 1

18 **ИСТОРИЯ ИОАННО-КАЗАНСКОГО СЕЗЕНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 8

21 **ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК ГЕОРГИЙ (ЛАВРОВ)**

25 **ГОРБУН МИТЯ**
Рассказ

27 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

28 **НАША БАБУШКА**
Рассказ

ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

С памятью преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца!

Мы часто слышим «преподобный», «праведный», «блаженный», «святитель»... Этими словами мы называем святых людей, которые угодили Богу теми или иными подвигами.

Преподобными мы называем тех, кто провел жизнь в иноческих подвигах отречения от мира, воздержании, целомудрии, поста и молитвы, тех, кто служил Господу со всяким терпением, отражая различные искушения сего мира, плоти и диавола. Мы знаем, что преподобными не рождаются — ими становятся те, кто, не жалея себя, ради любви ко Господу творит Его волю, живет по заповедям Божиим.

Преподобный Сергий — это светильник нашей Церкви, печальник земли Русской, который собирал воедино Русь православную, народ русский. Читая его житие, мы удивляемся его самоотверженному служению Богу и ближним, его мудрости и смирению... Он с молодости стал на стезю подвига и никогда с нее не сходил, поэтому так и преуспел во всяком христианском подвиге благочестия и так угодил Богу, что многие около него не только спаслись, но и просияли подобно ему самому. Он явился одной из ветвей Божией лозы, приносящей добрый плод. Впоследствии ученики преподобного Сергия возглавили многие монастыри, возрождая повсюду благодатное старчество.

Преподобный и сегодня является одним из самых близких наших заступников пред Господом. Многие чудеса творятся по молитвам этого святого угодника Божия.

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
18 июля 2007 г.

Я вспоминаю, как ездил сдавать экзамены в Академию, в Сергиев Посад, как брал с собой сестер, ко-

торые были на приходе, и мы молились в Троице-Сергиевой Лавре у мощей преподобного, прося, чтобы он помог мне сдать экзамены. И удивительно, я сдавал по шесть-семь экзаменов за десять дней!

В те годы советского безбожия и антирелигиозной пропаганды люди ехали отовсюду к святому Сергию со всякими скорбями и получали помощь, молились и обретали веру, и ощущали живое присутствие Божие.

Преподобного Сергий Радонежского мы называем печальником святой Руси, потому что он печалуется, болеет за русский народ. Чтобы этот народ, который был отвращен от Бога и не знал, где *главы приклонити*, сейчас подумал бы о своем спасении, о спасении душ своих близких.

Сегодня *«оскуде преподобный»*, — говорит Священное Писание про наше время. Многие берутся за подвиги поста и молитвы, но без нужного смирения, без послушания, в основном по гордости и самомнению... И трудно остановить такого человека, потому что он в прелести. Сегодняшний мир весь пребывает в духовной прелести. Человека с детства учат не тем законам, не тем приоритетам, которые должны быть положены в основу его жизни. Телевидение и СМИ развращают людей, все направляется на удовлетворение человеческих страстей и низменных похотей. И из такого мира люди приходят в монастыри, ища совершенства. Но встречают их там такие же «воспитанники» мира сего. Поэтому и мнится им, что именно они и должны своими подвигами показать совершенство, отсюда и делание их часто напоказ. Трудно понять им, что в основе любого подвижничества должно быть послушание своему духовнику. Послушание есть основа смирения.

Был тут один монах, который два часа в сутки спал, по две тысячи поклонов клал... — и... сбежал. Сбежал, потому что он все это совершал сам, самочинно, без благословения. Он решил стать святым, стать старцем или известным молитвенником для всех тех, кто приезжает сюда.

Бывают и другие крайности, когда человек вообще ничего не делает — не молится, не слушается, не смиряется. Посмотрим

на нашу обитель и спросим: «Где они тут, преподобные?» Одни спят в кельях, обедать не вовремя приходят или же келейно начинают себе готовить, или не участвуют в Богослужениях, крестных ходах... На молебне святителю Тихону нет никого... Так откуда могут взяться преподобные? Только преподобные в лености, небрежении, нерадении, в погибели — к сожалению, таких «преподобных» всегда больше...

И ведь многие прекрасно знают, что идут не в ту сторону. Но уже пошли — их никак не остановишь — потому что лень, нерадение... Нет сил принудить себя к воздержанию, к молитве, к хождению на правила и Богослужения в храм, к старательному выполнению данного каждому послушания...

Ну, а что сказать о мирских? У них еще худшее положение, чем в монастырях. Там если мать или отец сходили в храм, то целый обвал недовольства на них от детей и внуков: «Ходила, ничего не приготовила, мы тут голодные, мы тут холодные. Только и ходишь, деньги носишь. Зачем все это тебе нужно? Сидела бы дома...» И начинаются упреки, укоры, озлобление, возмущение, оскорбление. И не понимают родные, что ходила она не только ради себя, а ради всей семьи. Чтобы семье Господь дал бы мир, согласие, счастье.

«Оскуде преподобный». Нет сейчас почти никого, кто имел бы желание жить в воздержании. А воздержание зависит от кротости и смирения. Но мы не хотим смиряться, не хотим жить в кротости. Не хотим, чтобы кто-то нас учил, обличал, укорял, наставлял или заставлял идти нужным путем ко спасению.

Господь никого не заставляет. Он дал каждому свободную волю. И сюда, в монастырь, Он не заставляет приходить — Он только зовет: *«Придите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы»*. Он только желает, чтобы к Нему пришли, и Он поможет...

М. В. Нестеров «Явление отроку Варфоломею»

Когда приходим в храм, мы часто не находим себе места. Думаем: «Вот сейчас сойдет благодать Святого Духа и исцелит меня, и поможет моей семье, чтоб там не пили, не курили, чтобы жили дружно. Вот сейчас благодать сойдет, и все будет хорошо». И никто не понимает, что нужно трудиться, потому что Царство Небесное трудом достигается.

Мы знаем, что всё, что имеем, приобретаем трудом, не надеемся, что кто-то нам все преподнесет, подарит. Безплатный сыр только в мышеловке. А когда дарят нам что-то, то, как правило, обязывают быть чем-то должным, мы попадаем в зависимость — потом уже не откажешься, когда тебя чего-либо попросят сделать или отдать...

В этот день, когда Церковь совершает память преподобного Сергия Радонежского, я пожелал бы, чтобы вы не забывали этого великого угодника Божиего. Всегда, даже в самые тяжелые безбожные времена гонений он всем помогал. Его мощи всегда источали благодатный поток чудес и исцелений. К нему всегда идет простой народ...

Я всегда с благоговением вспоминаю, когда в молодости, работая на производстве, каждый отпуск обязательно ездил в Лавру к преподобному. Жил там с неделю: пел, говел, молился. И такое было состояние — будто неземное...

Нужно перенестись в то страшное время гонений, чтобы понять, чем был для нас Троицкий храм с мощами преподобного Сергия, когда мы приезжали, со слезами коленопреклоненно молились у мощей святого, просили, умоляли его о помощи...

В наше время в монастыри больше приезжают как в музеи, посмотреть иконы, киоты... И совсем мало из нас тех, кто с сердцем сокрушенным помолится святому, чьи мощи находятся в храме, помолится тем угодникам, кто изображен на иконах... Наше неверие вытеснило у нас и слезы, и дух сокрушенный, вытеснило из нас веру.

Будем же, дорогие, чаще обращаться к преподобному Сергию Радонежскому. Он помогает в учении, потому что сам, будучи еще отроком Варфоломеем, испытывал большие трудности в учебе, но молился и просил Бога. И вы хорошо знаете, что явился мальчику схимник и дал просфору, через которую будущий подвижник воспринял благодать Божию. Возбуждаемый этой благо-

датью, он ночью вставал и читал акафист с поклонами. После этого отрок догнал сверстников в учебе и даже перегнал их. И этот огонек Божией благодати не утих, но со временем разгорелся в неугасимое пламя святости православного подвижничества. Все в руках Божиих!

И хотя мы говорим, что угодники Божии бывают избранными от чрева матери, но все они становятся преподобными большими трудами в подвигах послушания и смирения, воздержания и отречения от мира, поста и молитвы...

Еще раз поздравляю вас с праздником и призываю на всех вас Божие благословение.

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо девятое

На вопрос твой: «Неужели все и спасаются, если ради всех Христос пришел в мир?» — отвечаю тебе кратко. Воля Божия хочет всем спасения, и Христос всех спасти пришел, как я писал тебе, но не все спасаются. Христос Господь по воскресении Своем сказал апостолам: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 15-16). Потому, кто Его верой принимает и крестится *во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,* тот спасается, а кто Его не принимает, тот погибает. Так не приняли Его иудеи, будучи Его народом, как пишется: Господь Иисус *пришел к своим, и свои Его не приняли* (Ин. 1, 11). Так не принимают Его магометане и прочие народы, и идолопоклонники, и ложные христиане, которые на языке веру имеют, но в сердце безбожие, о каковых апостол писал: *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу* (Тит. 1, 16).

Спасайся.

Письмо десятое

На вопрос твой: «Как Христос Господь нами принимается?» — по силе моей отвечаю тебе. Видел или, может быть, слышал ты, как граждане царя своего, в город их пришедшего, принимают: исходят из домов своих, встречают его с радостью и поклоняются ему, и всякий в дом свой желает его принять. Христос Господь Царь Небесный пришел в мир этот, как град великий, руками Его сотворенный, в котором мы живем. Выйдем же и мы к Нему навстречу, не ногами, но сердцами, и поклонимся Ему, и припадем со смирением, радостно сердцами и устами взывая к Нему: «Благословен Царь Израилев, пришедший спасти нас!»

Только что пришел Он в мир, волхвы издалека пришли и поклонились Ему, и, *открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, и ладан, и смирну* (Мф. 2, 11). И так подобающей честью встретили Его как Царя. Так они показали образ нам, как Его встречать. Уподобимся же и мы этим верным рабам Его и придем к Нему сердцами нашими (ибо Он ныне не на земле, как прежде, пребывает, но на Небесах одесную Бога сидит), и примем Его как Царя нашего, и принесем Ему дары не вещественные, каковых Он не требует, но невещественные, как Богу: веру нелицемерную, благодарение сердечное и послушание из любви, как Царю своему; оставим мир с похотью своей, как дом, в котором ветхий наш человек упокоевается, и, покаянием и верою в Него очистив дома сердец наших, попросим Его со смирением, чтобы посетил нас.

Читаем во святом Его Евангелии, что Он никем не гнушался, как человеколюбец, но к зовущим Его в дома входил и вечерял, и с самыми грешными ел и обращался и беседовал, как пришедший грешников спасти. Не возгнушается и нами, грешными, и придет к нам, и посетит нас Своим человеколюбием, если только очистим дома наши истинным покаянием, сокрушением и сожалением о прежних грехах, и приготовим их, как Царю таковому, который в чистых сердцах обитает и упокоевается, и попросим Его со смирением и верой. Ибо если и не видим Его этими глазами, но Он неотлучно пребывает с любящими Его и невидимо посещает их.

Спасайся.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Не прелюбы сотвориши

(глава 5, зачало 13)

Слышасте, — говорит Господь, ***яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши***. Это седьмая заповедь Закона Божия, данного на Синае, известная и раньше, от первых времен человечества. Сего запрещения Божия довольно было для древних, чтобы они сохранили и душу в чистоте. Так целомудренный Иосиф убежал от безстыдной жены Пентефрия и сохранил чистоту не только тела, но и души. А теперь фарисей мог не грешить самым делом, но в душе, в сердце, носить гибельный разврат, и в то же время считать себя праведным пред Богом. Вот почему Христос Спаситель, как верховный Законодатель, разъясняет и дополняет и эту заповедь: ***Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену***, — смотрит ли телесными очами, или же только в уме представляет себе женщину или девицу, ***ко еже вожделети ея***, кто засматривается на красоту ее и сим воспламеняет в себе греховное пожелание и добровольно влечет сего зверя в спокойное свое сердце, тот уже коснулся женщины, если не рукою, то греховным взором и пожеланием, — ***уже любодействова с нею в сердце своем***. Правда, он не исполнил греха делом, но что до того? он не мог: а если бы мог, то тотчас сделал бы грех самым делом.

«Так и женщины, украшающиеся для того, чтобы понравиться, — говорит блаженный Феофилакт, — грешат, хотя бы и никому не понравились: они уже приготовили отраву, которая осталась без действия потому, что ее никто не выпил». «Когда мы видим, — говорит святой Златоуст, — что дитя играет ножом, мы наказываем его и запрещаем вперед прикасаться к ножу: вот так же и Бог запрещает греховное воззрение, дабы нам когда-нибудь не впасть в самое преступление. Потому-то праведный Иов положил для себя главным законом — никогда не позволять себе такого воззрения. Спаситель говорит: не прелюбодействуй глазами, тогда не будешь прелюбодействовать и сердцем. А для чего же, — спросишь ты, — Иисус Христос в словах Своих не касается и женщин? Потому, — отвечает Златоуст, — что везде Он полагает общие законы и, говоря в назидание главе, то есть мужу, вместе дает наставление и всему телу, то есть и жене. Ибо Он знает, что муж и жена суть единое существо, посему нигде и не различает пола».

Как надобно быть осторожным, чтобы не согрешить против сей заповеди, Иисус Христос наглядно показывает это на таком примере: «что может быть для тебя дороже правого глаза или правой руки? И однако, говорит Он: ***аще же око твое десное соблажняет тя, изми е, и верзи от себе: уне бо ти есть***, ибо лучше для тебя, ***да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое вержено будет в геенну огненную. И аще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю, и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое вержено будет в геенну***.

Не о членах тела говорит здесь Господь. Члены тела не виноваты: они движутся туда, куда повелевает им душа. «Не глаз твой смотрит, — говорит святой Златоуст, — но чрез него смотрит ум твой и сердце. Если бы Христос говорил о членах тела, то не о правом только глазе сказал бы, но об обоих: если кто соблазняется правым глазом, тот, без сомнения, соблазняется и левым. Итак, почему же Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке? Дабы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, тесно с вами связанных. Итак, если ты кого-либо столько любишь, что на него полагаешься как на правый свой глаз, и столько признаешь его полезным для себя, что считаешь его вместо правой руки своей, — но если он развращает твою душу, то ты и такого человека отсеки от себя. Заметь здесь и силу выражения — Спаситель не сказал: отстань, но, показывая, сколь много нужно удаляться, говорит: *изми и верзи от себе*. Далее, так как Он довольно строгую предписал заповедь, то тут же показывает пользу ее: лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое вержено было в геенну. Когда друг твой и себя не спасает и тебя с собою губит, то какое было бы в том человеколюбие, если вы оба погибнете, тогда как если ты разлучишься с ним, то по крайней мере один из вас спасется? Спаситель сказал: не только *изми*, но и *верзи от себе* — так, чтобы уже никогда не возобновлять связи с таким другом, если он не исправится. Таким образом, ты и себя избавишь от погибели и его освободишь от большего осуждения за твою погибель.

Если бы тебе необходимо было избрать одно из двух — или, сохранив глаз, погибнуть, или же, лишившись глаза, остаться в живых, на что бы ты лучше согласился? Очевидно — на последнее. Так же точно рассуждай и о людях обоего пола. Теперь видишь ли, какою любовью исполнен закон Христов? Видишь ли, сколь великое человеколюбие показывает Его мнимая строгость?» Так объясняют слова Спасителя святые отцы: Златоуст, Афанасий, Кирилл, блаженный Феофилакт и другие.

И в самом деле: если понимать сии слова буквально, то надобно было бы исторгать и язык, когда он произносит худые слова, отсекать и

другие члены. Но будет ли от этого польза? Греховное пожелание не перестало бы жить в сердце: ведь и немой может злобствовать, и слепой может любодействовать. Вот почему слова Спасителя должно понимать так: «Бегай всего, что может возбудить в твоем сердце нечистые чувствования, как то: сладострастных песен, плясок, сквернословия, нескромных игр и шуток, нескромных зрелищ, чтения книг, в которых описывается нечистая любовь. Старайся и не смотреть на то, что может соблазнить тебя. Если твердо решишься не смотреть на то, что соблазняет, то это и будет значить, что ты уже вырвал у себя соблазняющий глаз. Ты не согрешаешь телом: это хорошо, береги же и сердце в той девственной чистоте, в какой ты бережешь тело».

Одна знатная девица нарочито прибыла из Рима, чтобы видеть преподобного Арсения Великого, но преподобный отказал ей в том через архиепископа. Тогда девица отправляется к нему в пустыню и застает у дверей кельи. Она пала к ногам святого старца, прося его святых молитв. Но старец отвечал ей: «Буду молиться Господу, чтобы из сердца моего Он изгнал память о тебе». Огорченная странница возвратилась в Александрию и с великою скорбью рассказала архиепископу об этом ответе старца. Святитель объяснил ей, что старец желает изгладить из памяти своей только ее телесный вид, а о душе ее будет молиться. Так тщательно хранили свое сердце святые подвижники от всякого приражения нечистого помысла.

Кто исполнит сию заповедь Христову о чистоте сердца, тому не будет нужды пользоваться тем снисхождением, какое Закон Моисеев давал жестокосердым иудеям. ***Речено же бысть: яко иже аще пустит жену свою***, кто захочет развестись с нею и жениться на другой, тот ***да даст ей книгу распустную***, — пусть даст ей разводное письмо. Этот развод нужно было допустить в древние времена потому, что жестокий муж, которому жена подчинена была как рабыня, мог убить ее беззащитную.

Во времена Иисуса Христа иудеи так развратились, что стали менять жен по прихоти под самым пустым предлогом, лишь бы только выдать прежней жене разводную на бумаге. Таким образом, они ни во что ставили Богом установленный закон брака, и в то же время укрывались буквою Закона Моисеева. Случалось, что иной сластолюбивый иудей прогонял несколько жен одну за другою, за женами уходили и дети, и сколько таких несчастных жен скиталось без приюта, сколько детей — без родительского крова!

И вот Христос Спаситель, как полновластный законодатель Нового Завета, совсем отменяет букву Ветхого Закона Моисеева и показывает, какую святость и силу имеет первоначальный закон Божий о браке: ***Аз же глаголю вам, яко всяк отпущаяй жену свою, разве словесе любодейнаго***, — кроме вины любодеяния, когда жена не сохранит верности мужу, когда она изменит ему, — тот сам ***творит ю*** — дает ей разрешение ***прелюбодействовати***, — от живого мужа грешить с другим, — ***и иже пущеницу поймет*** — кто женится на разведенной, тот ***прелюбодействует***. Потому что если бы он не взял ее, то она, может быть, возвратилась бы к первому мужу и примирилась бы с ним. Так свят и ненарушим союз супружеский. Бог, сотворив мужа и жену, благословил и освятил их союз на всю жизнь: *и будета оба в плоть едину*, что Бог сочетал, то человек да не разлучает.

Единственный случай, когда Господь допускает развод, — это неверность жены или мужа: тогда сам собою расторгается священный союз брачный и может быть развод. Но и тогда, по закону Церкви, сей хранительницы и истолковательницы закона Христова, преступница — жена (или преступник — муж) лишается права вступать снова в брак. «Христос, — говорит святой Златоуст, — заключил для жены преступной двери ко вступлению в брак с другим мужем для того, чтобы сделать ее верною мужу и целомудренною даже и против ее желания. — Таким образом, и здесь Христос Спаситель не уничтожает Ветхого Закона, а раскрывает его первобытную строгость, чистоту и святость... — Наконец, позволив развод по вине прелюбодеяния, Он и здесь имеет цель целомудрие. Если бы повелено было мужу держать в своем доме и такую жену, которая жила со многими, то сим самым прелюбодеяние как бы попускал».

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ. ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

Иметь сладострастные помыслы и услаждаться ими есть великий грех

Один инок в лавре прп. Евфимия Великого, близ Иерусалима, по имени Емилиан, в одну ночь на рассвете воскресного дня, по действию бесовскому, возгорелся плотскою похотью и, смущаемый скверными мыслями, услаждался в сердце своем греховным вожделением. В это время случилось прп. Евфимию идти мимо того места. Обоняв смрад блудного беса и уразумев случившееся, преподобный сказал: «Да запретит тебе Бог, проклятый нечистый дух», — и тотчас брат тот упал на землю, испуская пену и беснуясь.

Когда собрались к этому месту братья, преподобный сказал им: «Видите ли брата сего, свято жившего от юности и доселе в чистоте тела своего? Ныне же ослабев немного, с вожделением помышлял о плотской сладости, услаждался скверными мыслями, и вот отдан бесу... Вразумимся же мы несчастием его, и да знает каждый, что, если кто и не прикасается к чужому телу, не совершает скверного греха телом, а любодействует умом, принимая скверные мысли, удерживая их, соизволяя им и услаждаясь ими, — тот есть блудник, и бес обладает им. А теперь помолимся о брате сем, да освободит его Бог от беса и плотских страстей».

И когда святой помолился, бес вышел, взывая и говоря: «Я дух любодеяния», — и наполнил все то место смрадом как бы от серы горящей.

«Четьи-Минеи», 20 января

ПРИЗВАНИЕ МОНАХА

Из писем старца Паисия Святогорца

Старец Паисий Святогорец († 1994)

Прежде чем я предложу новоначальным монахам свой маленький опыт, я хочу помочь им несколькими советами, пока они еще находятся в миру, потому что эта небольшая помощь, возможно, укрепит их на монашеском пути.

Пока новоначальный еще находится в миру, самым главным для него является вопрос о том, как найти монахолюбивого духовника, так как большинство духовников нашего времени монахоборцы и всячески выступают против монашества.

К сожалению, некоторые клирики препятствуют тем, кто хочет всецело отдать себя Христу, ощущая настойчивый призыв к уходу из мира. Мало того, что ищущий монашества много чего слышит от мирян, он еще всякую всячину слышит и от клириков, которые по своему безрассудству даже монахам рекомендуют оставить пустыню и прийти в мир, чтобы заниматься общественной деятельностью ради человеколюбия.

Не понимаю, как они не могут уразуметь великого призвания монаха?! Монах уходит далеко от мира не потому, что ненавидит мир, но потому, что любит мир. Этим способом он может больше помочь ему своей молитвой в делах, которые не могут совершиться благодаря человеческим усилиям, но только при Божественном вмешательстве. Так Бог спасает мир. Монах никогда не говорит: «Я спасу мир», но молится о спасении всего мира так же, как и о своем собственном. Когда благой Бог услышит его молитву и поможет миру, он опять-таки говорит: «Не я спас мир, но Бог».

Итак, образно говоря, монахи — это радисты Матери Церкви. Если они уходят далеко от мира, то делают это из любви, ибо уходят от «радиопомех» мира, чтобы иметь лучшую связь и больше и лучше помогать миру.

Безрассудное требование выйти в мир, которое предъявляют некоторые клирики, можно сравнить с неразумным требованием некоторых солдат, которые, когда их отряд подвергается опасности, требуют, чтобы радист оставил свою рацию и вступил в перестрелку, как будто положение будет спасено, если к двумстам другим винтовкам присоединится еще одна. Радист кричит во все горло, выходя на связь: «Прием, душа, прием!» — а кто-то думает, что он кричит впустую. Однако разумные радисты не слушают, когда их ругают, но изо всех сил стараясь выйти на связь, просят немедленной помощи у генерального штаба (души). И тогда прибывают большие силы авиации, бронетанковых войск, флота и положение бывает спасено именно таким образом, а не перестрелкой солдат. Точно так же и через монахов посредством их молитвы действует Божественная сила, а не их собственные ничтожные силы. В наше время, когда зло чрезвычайно увеличилось, мы нуждаемся во вмешательстве Божием.

Другое дело, когда монах какое-то время находится в миру, если этого требует необходимость, — тогда он помогает своей личной духовной силой, которую ему даровал Бог. Но все равно это дело он считает второстепенным, а главное для него всегда молитва. Так же он поступает и находясь в своей келье, где по мере сил занимается рукоделием, помогая тому, кто в этом нуждается. И когда к нему придет кто-нибудь со своими проблемами, он тоже все оставляет и пытается помочь ему своими человеческими силами.

Но целью монаха при этом является не усердное занятие рукоделием или сбор денег для помощи бедным — это для него духовное падение. Монах может помогать тоннами, а не килограммами (когда, например, случится засуха, он своими молитвами может наполнить все амбары мира). Так Бог *восставляет от земли нищего и от гноища возвышает убогого* (1 Цар. 2, 8). Не будем забывать, что совершил пророк Илия (см. 3 Цар. 17, 9 и далее).

Монахи не должны оставлять пустыню и идти в мир помогать бедняку или навещать больного, принося ему апельсин или другое утешение (это забота мирян, и за это с них спросит Бог). Монашеское дело — молиться обо всех больных, чтобы они получили двойное здравие. И тогда благой Бог, сжалившись над Своими созданиями, исцеляет их, чтобы они и сами помогали другим, трудясь как хорошие христиане.

Монахи также не должны посещать заключенных, потому что сами добровольно заключены по великому усердию, которое имеют к своему Благодетелю и Спасителю Христу. Христос подает обильную любовь Своим усердным детям — монахам в «темнице» (обители), которую присутствие и любовь Христовы превращают в рай. Монахи молятся и просят Христа, чтобы всю ту райскую радость, которую они

ощущают. Он подал всем заключенным в тюрьмах в миру нашим братьям. И благой Бог умилостивляется ради любви Своих добрых детей и источает утешение душам заключенных и часто даже освобождает их.

Кроме этих заключенных, монахи помогают также тем, кто заключен с большей строгостью и навечно, а не на десять или двадцать лет — они еще больше нуждаются в помощи. Это наши усопшие осужденные братья. Монахи посещают их особым образом и приносят им много духовных прохладительных напитков. Благой Бог помогает усопшим и одновременно извещает об этом монахов посредством невыразимой радости, которую источает у них в душе после их усердной молитвы о наших усопших братьях, как будто говоря: «Не скорбите, чада Мои, Я помог и усопшим».

Может быть, кто-то скажет: «Разве нужно просить, чтобы Бог помогал?» Безусловно, нужно. Бог особенно умилостивляется, когда мы сострадаем своему ближнему и просим Его, чтобы Он помог, потому что тогда Бог вмешивается без насилия над свободой — так велико духовное благородство Бога, Который даже диаволу старается не давать повода для возражений. Поэтому Бог хочет, чтобы мы просили Его вмешательства, и вмешивается немедленно, чтобы помочь Своему созданию. Естественно, если бы Бог захотел, то уже сейчас загнал бы диавола в ад, однако оставляет его нам — опять-таки для нашего блага, потому что тот ударами своей злобы, которые он нам наносит, стряхивает с нас всю пыль.

Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть, что великая миссия монаха серьезнее, чем дела человеколюбия. Ибо еще прежде, чем стать монахом, он уже совершил дело человеколюбия и раздал все, как сказал Христос юноше (см. Мф. 19, 21), а также самого себя отдал Христу (своему богатому Отцу). Таким образом, теперь, уже будучи чадом Божиим (как нестяжательный монах), он имеет часть в достоянии Бога и все, чего хочет, просит у своего Милостивого Отца, и Отец его щедро подает ему Свои милости, если нет опасности, что они повредят Его бедным чадам.

Итак, много всякого слышит новоначальный от некоторых клириков и мирян, которые пытаются отвратить его от великой миссии монашества. Кроме того, они заявляют, что монах — это мертвая вещь, потому что у него нет детей и т. д.

Не хочу спрашивать у тех, кто так говорит, есть ли у них дети, потому что именно в деторождении состоит цель брака и только в том случае, если у них есть дети, имеет смысл их жизнь. У монаха же другая цель — девство, «иное житие». Но тех, у кого есть дети, я хотел бы спросить, помогли ли они своим детям приобрести рай или оказывали им только материальную поддержку? Что из этого следует? Монахи, заботящиеся о спасении душ человеческих, куда более любвеобильные отцы, чем отцы по плоти, и имеют больше детей, чем самый многодетный отец. Все создания Божии они считают своими детьми и братьями и с состраданием молятся, чтобы люди достигли своего истинного предназначения — близости к Богу.

Так как некоторым нелегко понять, что монахи совершают в людях духовное возрождение, упомяну о том, как они способствуют даже телесному деторождению. Хотя сами они девственники и помыслы их чисты, однако, имея дерзновение к Богу, они, будучи живыми или по успении, разрешают неплодие многих матерей. Следовательно, монахи, будучи святыми, могут и после своей смерти стать причиной рождения новой жизни.

Да, монахи не проповедуют Евангелие с амвона, просвещая больших и малых, но они живут по Евангелию.

И такая проповедь Евангелия более убедительна. Сегодняшний мир особенно жаждет примера. В наше время в большей или меньшей степени все образованны и могут говорить о великих истинах, но эти истины никак не приложимы к большинству проповедников, постоянно отягощающих свою совесть делами, при виде которых остается лишь горько вздыхать.

Образно говоря, монахи не просто фонарики, которые светят на улицах городов, чтобы люди не спотыкались, а удаленные маяки на скалах, направляющие своими вспышками корабли мира и показывающие им путь из пучины морской.

Поэтому родители не должны препятствовать своим детям, которых Бог призывает стать монахами (радистами Церкви). Эта миссия очень велика и гораздо выше любой мирской миссии. Миряне в определенные дни ходят в церковь и обещают Богу зажечь свечу, маленькую или большую, а монах каждую ночь проводит в бдении в церкви и всего себя обещал Христу и горит от Его любви, Его славословит и Его благодарит за себя и за весь мир.

Поэтому, возлюбленные мои братия, лично призванные Христом в Его ангельский чин (радистов Церкви), старайтесь по мере сил найти прежде всего монахолюбивого духовника, чтобы он помогал вам и следил за вами, пока вы еще находитесь в миру. Лучше пусть будет женатый духовник — достаточно,

чтобы он был монахолюбивым, — чем иеромонах-монахоборец. Также, пока вы еще находитесь в миру, будьте внимательными к тому, о чем я буду писать далее.

О ХРАНЕНИИ ДУШЕВНОЙ И ТЕЛЕСНОЙ ЧИСТОТЫ

Предпочтительнее тебе общаться с детьми младше тебя, с ангелочками, чем с детьми старше тебя или твоего возраста, если они диаволята.

Лучше для тебя жить вдалеке от мирского окружения и находиться с Богом, чем вращаться в мирском окружении (только чтобы тебя не считали необщительным) и незаметно отчуждаться от Бога.

Полезнее для тебя казаться дурачком женщинам (а девушке — юношам) ради твоего духовного благоразумия и чистоты и нести этот тяжелый крест, потому что этот тяжелый крест скрывает в себе всю силу и премудрость Божию, — и тогда ты будешь сильнее Самсона и мудрее премудрого Соломона.

Когда идешь, лучше читать молитву и не смотреть направо и налево (даже если твои родственники будут думать, что ты их презираешь и не хочешь с ними разговаривать), чем смотреть по сторонам и получать вред, и вдобавок быть неправильно понятым мирскими людьми, которые все истолковывают лукаво.

В тысячу раз лучше для тебя после службы прятаться от людей, подобно дикарю, чтобы сохранить свое духовное благоразумие и благодать, полученную от службы, чем сидеть, глазея на шубы (или на галстуки — девушке), и духовно пострадать от ран, которые враг нанесет тебе в сердце.

Полезнее (если у тебя нет работы, но ты не можешь использовать свое время для духовных занятий) пойти на свиноферму и, уподобившись свиньям, вываляться вместе с ними в грязи, а затем, вернувшись домой, помыться, сменить одежду и почувствовать облегчение после душа, чем соблазниться и пойти в бар или на дискотеку, чтобы твоя душа вывалялась в грязи удовольствий, а потом с тяжелым чувством вернуться домой и ощущать в душе ад и тяжесть сердечную.

Лучше тебе пойти в курятник и послушать, как размеренно кудахчут куры, чем соблазниться и пойти в соседний дом, где завести с женщинами (или девушке — с мужчинами) разговор о духовных предметах, ибо, сколько бы это дело ни казалось духовным, оно скрывает в себе множество вражиих сетей. Поэтому юношам, которые хотят вести девственную жизнь, лучше избегать женщин, как диавола (а девушкам — юношей), — и я верю, что Христос не осудит их, потому что они делают это из-за немощи своего возраста, — чем осмелеть и быть ободранными, как маленькие деревца козами, и стать ни на что не годными.

Для молодого — бодрая или вялая у него плоть — предпочтительнее сурово подвизаться, чтобы стяжать мужество, чем терпеть вред от своей непокорной плоти или — вялому — от своего слабого женоподобного характера, то есть от излишних эмоций и изнеженности.

Брат мой, смотри на эти мои необходимые суровые слова как на колючую проволоку для ограждения твоего маленького духовного деревца, пока не вырастут твои ветви, ибо Мать Церковь ожидает от тебя плодов.

Итак, если ты сейчас будешь внимательным, то позже, кроме плодов, принесешь еще и густую и прохладную тень и примешь под свой покров не только овец, но и несчастных коз, которые по благодати Божией больше уже не будут вредить тебе; ты и им сможешь помогать.

Постарайся, чтобы твоя работа и твое окружение, пока ты еще находишься в миру, помогали тебе и ты имел бы некоторую возможность получать пользу во время своей работы, приходил бы домой спокойным и тебе было бы легче сосредоточиться. Тогда твой подвиг будет легче.

Старец Паисий Святогорец
«ПИСЬМА»

Из наставлений схиархимандрита Андроника (Лукаша)

«Смех, шутки и ласки — не дело монаха, это привычки мира, от которого он отрекся. Если монах стяжает благодать, то и без шутливости и внешней ласковости в словах он сможет утешать людей».

Одна женщина сказала отцу Андронику: «Когда при мне осуждают людей, я сижу молча, не вступая в разговор». Старец ответил: «Лучше бы ты сказала, что слушаешь молча, не пропуская ни слова. Тот, кто слушает клевету, сам становится участником клеветы, и то, что ты запомнила, в свое время перескажешь другим. Кто не смог удержать слух, не сможет удержать и язык». Та сказала: «Отче, если я встану и уйду, то оскорблю человека». Отец Андроник ответил: «Лучше обидеть человека, чем Бога; лучше потерять дружбу, чем благодать».

Один монах спросил у отца Андроника: «Иногда я включаю телевизор, чтобы узнать последние известия, а затем выключаю его; что в этом плохого?»

Старец ответил: «Ты один раз выключишь телевизор, а в другой раз подумаешь: посмотрю еще немного, что там показывают, — и просидишь половину ночи, рассматривая чебурашек. Вот диавол и поймал тебя. — Старец продолжал: — Монах, который смотрит телевизор, этим самым нарушает три обета: отречения от мира, целомудрия души и пребывания во внутренней молитве. Он трижды клятвопреступник, а ты еще спрашиваешь, что в этом плохого».

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«НА ПУТИ ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ»

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 32

Из воспоминаний рабы Божией Ирины, г. Таганрог

Мы с мамой жили неподалеку от Тбилиси – в двадцати пяти километрах от города, но отца Виталия не знали. Ходили в один из тбилисских храмов, слышали, что где-то есть старцы – Владыка Зиновий, отец Виталий, – но не придавали этому значения.

Потом мой брат Саша окончил школу и решил поступать в радиотехнический институт. В Тбилиси такого не было, и мы отправились в Москву. Приехали, а нам говорят: «У нас строгие географические границы. Езжайте поступать в радиотехнический институт, ближайший к вам». Никогда никому так раньше не говорили, всех иногородних принимали, а нам вдруг отказали! Но была в этом воля Божия. Мы стали разыскивать ближайший к Тбилиси радиотехнический – оказалось, что такой находится в Таганроге. Саша поступил – сдал вступительные экзамены на круглые пятерки. Начали искать для него квартиру.

И вот стоим как-то на трамвайной остановке, собираемся ехать в храм – был праздник Преображения Господня. Народу с нами на остановке стояло уйма! Вдруг мама увидела какую-то бабушку (и надо же было ей именно **к ней** обратиться!), подходит и спрашивает:

– Простите, Вы не знаете, где здесь храм?

Та отвечает:

– Да я туда иду! Пойдемте со мной, трамвая нет – пойдемте пешком.

И мы отправились во Всесвятский храм (Никольский в то время еще был закрыт). По дороге мама с этой бабушкой разговорилась – как оказалось, наша попутчица постоянно ходит в храм. А когда она узнала, что Саша поступил в институт и мы ищем для него квартиру, то сказала: «Я вам покажу в храме одну женщину. Правда, не знаю, согласится ли она взять жильца. Как Господь управит», – и познакомила нас с Марией-рыбачкой – чадом отца Виталия, которая постоянно ездила к нему в Тбилиси. Она все время привозила или передавала с кем-нибудь рыбу Батюшке с матушкой. Квартирантов она обычно не держала, но тут сразу согласилась взять к себе Сашу. Когда мы собрались ехать в Грузию, чтобы привезти Сашины вещи, она через нас послала очередную посылку с

рыбой отцу Виталию. Так мы узнали Батюшку.

Правда, когда в первый раз мы пришли на Дидубе, Батюшки дома не было, а матушка нас не приняла. И мы два года, живя в одном городе, переписывались с Батюшкой – домой нас к нему не допускали. Наверное, потому, что мы тогда еще не были готовы. Мы ходили в Александро-Невскую церковь – только там его и видели (в то время Батюшка еще служил в храме). Но общаться с ним не было возможности, потому что народу на службах всегда много, да и матушка его постоянно ограждала: только он отслужит, она тут же его в машину – и домой. Лишь иногда пару минуточек можно было с ним поговорить. Мы, конечно, скорбели, что не можем с ним общаться, а Батюшка, когда видел нас, все время утешал: «Вы не скорбите, не скорбите. Ведь вы же пишете мне письма».

Но однажды мы с мамой пришли на праздник в храм. Батюшка служил. После Литургии кто-то из священников вышел в главный придел давать крест, а Батюшка, как он иногда делал, вышел с крестом из бокового придела (там двухпрестольный храм). Почти весь народ пошел по второму разу ко кресту – к Батюшке: одни что-то спросить, а другие – хотя бы взять благословение. Рядом с отцом Виталием как всегда стояла матушка Мария (впоследствии – схиигумения Серафима) – строгая-строгая.

И вот мы стоим в очереди ко кресту, а Батюшка увидел нас и еще издалека:

– О, наши пришли! Наша Иринка!

Мы подходим ко кресту, а матушка:

– Проходите, проходите быстрей!

А когда мы прошли, она подзывает маму и говорит: «Собирайтесь – сейчас пойдем к нам! Сестры пойдут – вот с этими сестрами и вы придете». Мы очень напугались: матушка сказала хорошую для нас новость, но вид ее при этом был грозный-грозный...

Вышли из храма. Идем по дороге, а сами дрожим. Но на Дидубе только переступили порог, только спустились вниз по лестнице – из своей кельи выходит Батюшка, радостный такой. Улыбается, благословляет нас и говорит:

– Ну, вот – теперь вы уже наши! А то так скорбели, так скорбели!..

После этого двери их дома для нас уже никогда не были закрыты. Всегда, когда нам надо было, мы приходили – в любое время.

А как Батюшка всех встречал! Бывало, только спускаемся на Дидубе к нему по лестнице, а он уже на площадке кладет земной поклон! Мы-то еще на ступеньках – на ступеньках земной поклон не положишь. Быстрей бежим вниз: «Батюшка, прости!» – и тоже поклон. Он всех встречал земными поклонами.

Летом он ставил во дворе топчанчик и там читал письма и писал на них ответы. Приходишь к нему, начинаешь что-то рассказывать, но видишь, что он вроде бы занят, и думаешь, что подошла некстати. Только замолчишь, а он тут же:

– Нет, мать, ты рассказывай, рассказывай – я все слышу.

Он слушал, отвечал на вопросы, читал письма и писал ответы – и все одновременно!

Когда начинались общие беседы, он прямо на полу сядет, мы все вокруг него соберемся. И даже неважно, слышно ли или не слышно – так хорошо было просто посидеть с ним рядышком! Иногда он платочек беленький на голову повяжет – у него сильно болела голова...

Он много рассказывал нам о пустыни – как он в горах жил...

Когда они с братьями только собирались уходить в пустыню, с ними попросился один раб Божий, но они его с собой не взяли, и он ушел в горы в одиночку. Братья набрали продовольствия, а у него ничего не было и ему нечего было есть. Он жил неподалеку от них и приходил иногда к отцу Виталию – тот потихоньку давал ему что-то из запасов. Но потом старший из братии узнал об этом и сильно ругал отца Виталия: «...Продуктов взяли с расчетом на каждого! И то, что ты ему даешь – от нас отрываешь!..» Тогда отец Виталий стал давать брату продукты из своей доли: то, что ему полагалось, он делил пополам и подкармливал брата. «Как же он голодный будет?» – рассуждал Батюшка.

Отец Виталий предсказывал, что в Таганроге будет женский монастырь. Когда он был на могилке старца Павла (еще до гор), то говорил:

– Эта могилка не простая. Будет канонизирован святой, и вскоре после канонизации будет здесь женский монастырь, – а тогда еще и часовню даже не построили. Сейчас в городе, действительно, собираются открывать женский монастырь...

Батюшка любил все раздавать. На Московском проспекте он жил на пятом этаже. Когда матушка Мария приносила ему фрукты, он тайком от нее складывал их в пакетик и спускал вниз на веревочке – там, уже зная эту его привычку, ждали отца Виталия дети. Они принимали пакет и делили между собой батюшкину «передачку» – в ней был то арбуз, то апельсины, то яблоки. Но потом матушка узнала об этом и стала разрезать фрукты на кусочки перед тем, как давать Батюшке. Он возмущался: «Вот, испортила! Опять перевела продукты!» – в резаном виде их уже нехорошо было спускать.

Перед тем, как отправляться в храм, Батюшка обязательно чего-нибудь набирал в карманы для раздачи нищим. Но однажды милостыни ему не хватило: нищих вокруг храма сидело очень много. И пока матушка Мария где-то зазевалась, он отдал нищему свои брюки! Сели в машину, поехали домой. Матушка ничего не заметила. Но вдруг случайно подол подрясника распахнулся – и недостача обнаружилась! Матушка ахнула: «А где твои брюки?! И брюки отдал!»

У Батюшки был очень своеобразный подрясник: штопаный-перештопаный, латка на латке! Зашито было где нитками, а кое-где и проволочкой – подрясник был еще с пустыни. Отец Виталий его очень любил и дорожил им, буквально не расставался. Но как-то приехали к нему с Иерусалима паломники, священство. При прощании они попросили у него этот подрясник – и Батюшка подарил. Он никому не отказывал. Но сам потом, правда, скорбел – подрясник напоминал ему его любимую пустыню.

У одного местного священника – отца П. – была дочь. Однажды ее похитили, и матушка отца П. прибежала к отцу Виталию за помощью. Батюшка собрался и вместе с матушкой отправился к ним домой. Вдвоем (отца П. в то время не было дома) они встали на молитву. В это время похитители ничего не смогли сделать с девушкой, как ни пытались. Старший из них сказал: «Заберите ее и отвезите, откуда взяли!» Ее привезли и оставили на улице недалеко от дома. Батюшка молился, молился, потом оборачивается и говорит матушке отца П.:

– Мать, пойди, открой дверь – дочка твоя пришла.

Она открывает – дочь стоит на пороге! Батюшка вымолил дочь отца П., но тот все равно его недолюбливал. И только после смерти отца Виталия он понял, что за человек был Батюшка. При жизни же его – не признавал, даже притеснял.

Со стороны священства к отцу Виталию было много зависти. Некоторые и еретиком его называли. Дело в том, что у Батюшки много было такого, что остальными иереями не признавалось, потому что не было понято. Так, например, ходили слухи, что Батюшка благословлял причащаться за умерших – называть у Чаши не свое имя, а имя покойного. Но это была клевета. В действительности же отец Виталий говорил, что хорошо в момент причастия или же сразу после него помянуть своих близких – т.е. назвать имя покойного, но про себя и как просьбу, как молитву: «Помяни, Господи...»

По благословению Батюшки все было легко и просто. Однажды наша мама пришла на Дидубе помогать – что-то они там с другой сестрой делали. Когда день уже был на исходе, им говорят: «Вы целый день работаете – вам нужно что-то поесть, – а есть было нечего: за хлопотами и не приготовили. – Ну, вот как раз банка морковника взорвалась – вы и покушаете». Но у нашей мамы болела печень. Мама думает: «Что же делать? И так печень больная, а если еще съесть морковник – будет совсем плохо». Но за послушание – раз Батюшка благословил – съела. И тут же забыла, что такое боль в печени – всё прошло.

Когда я окончила школу, пришли мы к Батюшке и спрашиваем благословения поступать мне в педагогическое училище. А он в ответ:

– Вот если бы в медицинское...

Мы говорим:

– Батюшка, да там нет медицинского – только педагогическое.

Его перебили, и он больше ничего не сказал. Мы поехали, сдали документы, уже я сдала экзамены – и тут открывается медицинский! Я туда без проблем перевелась и училась, по молитвам Батюшки, неплохо.

Когда Сашу призвали в армию, мама очень переживала. Часто приходила к отцу Виталию и все спрашивала – как он там и что. Батюшка говорил ей:

– Ты о себе спрашивай, о себе. О нем не безпокойся: я у него был – у него там все хорошо. Ты о себе спрашивай.

Служил Саша в армии с 1985 по 1987 годы в Киеве, и известно, что отец Виталий в названный период в Киеве не был...

Интересно, как Батюшка смотрел фильмы. У них был маленький-маленький телевизор, и матушка иногда включала его, чтобы смотреть новости, потому что время было неспокойное: в 1989 год – перестройка, Спитак, Карабах, в Грузии катаклизмы. Но иногда матушка смотрела и военные фильмы. И Батюшка, когда на экране погибали солдаты или происходило убийство, становился на коленки и начинал молиться за каждого человека, которого убивали.

Когда случились события в Нагорном Карабахе, Батюшка скорбел и плакал. Говорил:

– Это я виноват! Это я плохо молился![1]

Отец Виталий знал по свечам, которые он ставил за людей, жизнь человека. Говорил: «Ведь каждая свеча по-разному горит». Нужды людей Батюшка знал на расстоянии. Однажды он про кого-то сказал, ставя за него свечку:

– Я его никогда не видел, но он так горячо просит меня!..

Свечи у него были высокие! – «ставники».

А как он переживал за каждого человека!.. Когда мы купили машину, сосед, что жил на первом этаже, не давал нам ее поставить во дворе: он собирался установить столб, так что заезжать нам было бы тяжело. Мы попросили его поставить столб немного в стороне, но он стал ругаться и возмущаться... И мама в сердцах что-то не очень хорошее ему пожелала.

Когда мы пришли к Батюшке, она начала ему жаловаться на неприятность и рассказала, что и как произошло. Услышав, **что** пожелала соседу мама, Батюшка воскликнул:

– Вот искушение! – подошел к иконочкам, поставил маму на коленки и стал служить с ней молебен о здравии... соседа!

Потом всё разрешилось хорошо: сосед не поставил столб туда, куда хотел, и мы смогли безпрепятственно загонять во двор нашу машину.

Как-то мы пришли к Батюшке недели за две до его кончины. Он нас поисповедовал, затем причастил келейно запасными Дарами и потом долго рассказывал, как надо читать Псалтирь, как циферки на славянском различать. Мы в то время славянский не знали совсем. Впоследствии нам это все пригодилось, но тогда мы и не думали, что когда-то будем в храме работать...

Когда отец Виталий умер, он три дня лежал в храме в гробу. На третий день во время отпевания он сам взял из рук отца Павла разрешительную молитву, которую тот, по благословению Святейшего Патриарха Илии, хотел вложить ему в руку. Мы сами этого не видели, потому что вокруг гроба стояло очень много священства, близко подойти было невозможно, но почувствовали, что случилась какая-то заминка. А потом, когда отец Павел сказал: «Сам взял!» – это стало разноситься по храму...

Мы подходили прощаться с Батюшкой до того: накануне вечером. Приложились к батюшкиной ручке. Она была такая мягкая! А в последнюю ночь все мы, чада Батюшки, остались в храме. При свечах. Пребывали в таком состоянии, будто находились не на земле. И странно – было горе, но отсутствовало чувство потери!..

Сейчас без Батюшки трудно, очень трудно, но все равно он помогает. На каждом шагу, во всем. Бывает и тяжело, и какое-то искушение находит, но только попросишь Батюшку – раз! – и все решилось!

Мать Мария (схиигумения Серафима) рассказывала нам. Был вечер под день памяти Владыки Зиновия. Матушка приготовила, что хотела понести в храм на помин, уже собрала узелок, но тут постучались к ней в ворота и просят:

---

[1] Так и Церковь в своих богослужебных текстах призывает нас молиться от лица Адама, поставляя себя на его место, словно это мы в раю нарушили заповедь Божию. Например: «*Заповедь Твою, Господи, преслушав окаянный, обнажен Твоея славы, студа исполнихся, увы мне! И сладости изриновен есмь райския благоутробне, милостиве, помилуй лишившася праведно благости Твоея*»; «*Чести сподобихся аз страстный, от Тебе Владыки во Едеме: увы мне, како прельстився, и диаволом позавидевся, отвержен от лица Твоего*»; «*Гряди душе моя страстная, плачи твоя деяния днесь, поминающи первое обнажение во Едеме, имже изгнана еси от сладости, и непрестанныя радости*» (Триодь Постная, Неделя сыропустная). И апостол Павел говорит о том, что в Адаме все мы согрешили: «*Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили*» (Рим. 5,12).

«Когда человек верит, что он хуже всех, – учит старец Паисий Святогорец, – тогда единственное "Господи, помилуй!", которое он произнесет о мире, будет стоить тысяч "Господи, помилуй!" другого».

Чувство всечеловеческой ответственности подвигает человека ко всечеловеческому же покаянию. «Человек является настоящим человеком тогда, когда чужие грехи воспринимает как свои и кается в них», – говорит преподобный Иустин (Попович).

По словам архимандрита Софрония (Сахарова), падение Адама заключалось именно в его отказе признать, что он тоже повинен в грехе: «Адам отрекался от ответственности, возлагая вину на Еву и Бога, давшего ему эту жену, и тем разбил единство Человека и единение его с Богом... И нужно думать, что **если бы он не оправдывался, но взял бы на себя ответственность за их общий грех, то иными были бы судьбы мира**». *(прим. ред.)*.

– А вы не дадите нам?.. – у них были какие-то большие проблемы с продуктами.

Матушка и думает: «А что же я завтра понесу в храм поминать Владыку?» Но вспомнив, что отец Виталий говорил: «Если попросят у тебя полстакана риса, дай стакан. Если попросят половину чего-то, дай полное», – она поскорбела, но отдала все, что было. А сама пришла на могилку к отцу Виталию и плачет: «Батюшка, вот так и так – что же я завтра буду делать?!» И тут не проходит и получаса – Патриарх Илия присылает полную машину продуктов! Она на следующий день пришла в храм – хотела малым помянуть, а помянула большим. Так Батюшка все управил.

Были чудеса по молитвам Батюшки и у нас в семье. Мама наша долго болела, ей нужно было делать операцию, но денег у нас не было. Матушка Серафима при встрече каждый раз говорила маме:

– Ну, что ты? Собралась на операцию? Делай! Чего ждешь?

А мама переживала, что денег нет, но матушке об этом не говорила. А матушка каждый раз опять:

– Ну, что ты – надумала делать операцию?

Однажды после службы в Александро-Невском храме матушка ей снова сказала то же самое. Мама не выдержала и подумала про себя с досадой: «Где я деньги-то на операцию возьму?! Ты дай денег – я буду операцию делать!» А матушка ей: «Иди, иди к отцу Виталию! Проси у него денег на операцию – иди!» Мама пошла к нему на могилку, расплакалась там и все рассказала Батюшке как живому. И вдруг откуда-то (не помню уже, откуда именно) у нас моментально появились деньги! Да столько, что и операцию сделали, и еще осталось. Вот как Батюшка управил.

Из писем схиархимандрита Виталия

Благодать Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, любы Бога и Отца и Причастие Святаго Духа буди со всеми вами.

Где Бог, там мир, благодушие, там всякое благо. Хорошо для вас посещение людей Божиих, хорошо, что при жизни за вас – маму, тебя, Валя, папу, бабушку Фросю – заказано 300 Божественных Литургий, которые идут о здравии вашем, а о папе – о упокоении.

Умерла игумения в Красногорском монастыре. На 9-й день она явилась насельнице святой обители, в руке ее было девять лампад горящих. Насельница спросила, что это за лампады – игумения ответила: «Это батюшка во святой обители совершил девять Божественных Литургий, а мне даны светильники в образе горящих лампад. В раю так хорошо, что нельзя рассказать, но некоторые вещи можно сказать, но на земле – или не поверят, или навредят себе самомнением, а потому все остается втайне, как рек (сказал) Господь: «*Ухо не слышало, око не видело, на сердце не взошло то, что Бог уготовал любящим Его*», – Ему слава. Аминь.

Благодарим, кланяемся, целуя стопы ваши. Спасайтесь, не скорбите, подвизайтесь о Господе. Простите.

Возлюбленные наши радосте: папа Никито, мама Агриппина, Валя, все родные и присные о Господе! Благослови вас Боже Своею великою милостию, утеши, защити, пошли мир души и спасение.

Валя! Говоришь: «Ничего не понимаю», – и смущаешься. Вот я не понимаю, но всегда радуюсь, а у тебя в душе колебания, которые ты тяжело переносишь. Делай по-детски. Сказали родители – слушай по поводу одеяния. Когда упрекают за одежду, отвечай: «Я одеваюсь лучше министров. Да ведь если вам кажется плохо, то дайте мне, что одеть. Я одеваю себя лучше лучшего». Дадут они тебе одежду – и носи со смирением.

А по поводу пищи говори так: «Все витамины находятся во фруктах и овощах. Вам нравится, чтобы я не знала меры? Ведь и так жирная, неповоротливая».

Да не будь обидчивой – тогда будет хорошо. Когда я был в больнице, говорил: «Я аки кабан». Мне отвечали: «Хвост с кабана». Так и ты делай.

Не унывай, смиряйся, слушайся родителей, советуйся, не осуждай, не соблазняйся и будь мирна, твори молитву. Когда свободное время есть, посоветуйся с мамой, чтобы людям шить. Не сидеть же без дела.

Письмо и что в нем дошло – в сохранности. Спаси, Господи, управи стопы ваша по воле Своей, украси добродетелями и в Небесные обители водвори. Ему слава подобает во веки. Аминь.

Челом Вам до лица земли – благодарнолюбящие многогрешные питомцы Ваши.

Простите.

АПОКАЛИПСИС В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Часть 1: «Когда будет "конец света"?»

Был у меня такой случай. Ехал я однажды в монастырь N. Добрался до города, спешу с автобуса на железнодорожный вокзал, чтобы успеть на электричку. По дороге нагоняю – идут: старуха, молодая женщина и ее сын лет десяти. Когда я поравнялся с ними, вдруг молодая женщина (по-видимому, заметив, что я с бородой) обращается ко мне с вопросом:

– Простите, Вы духовный человек? Ответьте нам на один вопрос.

– Какой?

– Ответьте: когда будет конец света?

Думаю: «Ничего себе вопрос!» – я даже растерялся. Для меня это было полной неожиданностью – как снег на голову, потому что подобными вопросами я никогда не задавался и не занимался. Что тут ответить?..

Будучи в такой растерянности, я внутренне взмолился: «Господи, вразуми, что ей сказать», – чувствую, что отмахнуться и совсем ничего не ответить не позволяет совесть. Видно, что она спрашивает без издевки, серьезно. К тому же, подумал я, может быть, этот вопрос задал ее сынок или мать, или еще кто-то из близких. Пришла мысль, говорю:

– Конец света будет тогда, когда люди перестанут каяться.

Я даже сам удивился такому своему ответу. «Ну, вот, – думаю, – запомни это сам».

Женщина больше ничего не спросила, и я пошел дальше. Иду и размышляю: «А насколько верен этот ответ? Как он соотносится со Священным Писанием и святоотеческим учением?» Поразмыслил над этой темой довольно долгое время, но никаких противоречий ни со Священным Писанием, ни со святоотеческим учением не нашел. Наоборот – нашел только подтверждение.

Много лет минуло с тех пор. И вот сейчас эта встреча почему-то вспомнилась мне вновь...

Вопрос: *Наверное, не случайно. Ведь сегодня, когда проблемы, связанные с эсхатологической тематикой,*[1] *имеют особую актуальность, возникает необходимость вновь обратиться к внимательному размышлению над этим «извечным вопросом».*

Ответ: Конечно, и на это имеются серьезные основания. Как известно, тема, связанная с «кончиной мира», обсуждалась всегда, во все времена. Обсуждается она и сегодня. По этому поводу приходится слышать самые различные высказывания, встречаться с самыми разнообразными точками зрения, сталкиваться с самыми противоречивыми убеждениями и позициями. И со скорбью приходится констатировать, что дело порой доходит до недопустимых крайностей. Люди-христиане из-за несогласий по этой теме пребывают во взаимной ненависти, приклеивают друг другу убийственные клички-ярлыки, сыплют друг в друга проклятиями и... делают то, о чем даже говорить не хочется.

Наиболее душевредными в этом отношении являются две крайности. Одна крайность заключается в определении апокалиптических сроков: когда люди утверждают, что Апокалипсис (события, описанные в Откровении святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова) начался с некого определенного времени, например, с 2000 года. Иные даже считают, что «почти всё уже совершилось» и ждут скорой кончины мира. И сугубо скорбно, что таковые зачастую перестают заниматься своим спасением и не ведут уже той правильной христианской жизни в собственном покаянии и самоисправлении, которую подобало бы вести, а обременяют свой ум и сердце безконечными разговорами об «эсхатологических новостях», царящей в Церкви апостасии и выживании в последние времена (конечно же, в смысле физическом).

А другая крайность проявляется в противоположном мнении. Люди такого направления утверждают, что апокалиптические события еще не совершаются, мир развивается к лучшему, научно-технический прогресс обещает нам много нового и прекрасного, поэтому эсхатологической тематикой интересоваться и заниматься преждевременно и «конца света» ждать глупо. Человечество еще будет жить многие века – в роды родов. Свое мнение эти «безстрашные оптимисты» основывают на том, что еще в I веке по Рождестве Христовом было сказано: «*...чему подобает быти вскоре*» (Откр. 1, 1), но прошло уже две тысячи лет, а «антихристовы страхи» не явились до сих пор. Следовательно, говорят таковые, нам бояться нечего, можно спокойно жить в свое удовольствие – описанные в Апока-

[1] Эсхатология – религиозное учение о конце мира, о конечных судьбах мира и человека *(прим. ред.)*.

липсисе события будут еще неизвестно когда.

Вопрос: *Но ведь действительно: проходит год за годом, много говорят о всяких «страхах», а жизнь идет да идет – течет своим чередом...*

Ответ: У нас, христиан, не должно быть никаких «страхов». Кроме одного – оскорбить Христа своим беззаконным житием и неправильным, небогоугодным образом мыслей. К сожалению, почему-то именно образ мыслей среди современных христиан часто сбрасывается со счетов, хотя от него напрямую зависит, на чьей мы стороне: Бога или Его противника – диавола.

Так вот, мнение «можно спокойно жить в свое удовольствие – описанные в Апокалипсисе события будут еще неизвестно когда» является одной из наиболее душепагубных жизненных позиций. Подобный образ мыслей появляется оттого, что мы не осознаём непосредственной связи между двумя серьезнейшими проблемами: апокалиптической и аскетической, которая не предполагает «спокойной жизни в свое удовольствие». При поверхностном взгляде – это разные вещи. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что апокалиптическая проблема основана именно на аскетической. По мере утрачивания людьми христианского аскетизма, т.е. подобающего всем христианам самоотверженного исполнения заповедей Христовых в искоренении своих греховных страстей, надвигаются на мир и апокалиптические события. Как сказано в Библии: «*Беззаконие опустошит всю землю*» (Прем. 5, 24).

Другими словами, причина различных бедствий и даже полного уничтожения жизни на земле – грехи наши, т.е. непослушание заповедям Христовым. И напрасно некоторые думают, что Закон Божий исполнять необязательно: дескать, зачем такая формальность?.. достаточно веровать в душе. Но это не так. Господь дал нам заповеди, как родители дают наставления своим детям-первоклассникам. К примеру, что переходить дорогу можно только в установленном месте; когда видишь движущуюся машину, нужно подождать; там, где есть светофор – не переходить дорогу на красный свет, и много других заповедей-поучений. Подобным образом и Господь – наш Отец – дает нам много заповедей и поучений для нашей безопасности на путях жизни: *просящему у тебя дай; не судите, да не судимы будете; друг друга тяготы носите и тако исполните Закон Христов*, и много других. Если дети не исполняют заповедей своих родителей и, скажем, переходят дорогу на красный

свет или в неположенном месте, то, бывает, попадают в беду. Подобным образом и мы, если не исполняем данных нам заповедей, то попадаем в духовную беду, наносим вред своей душе, и она становится больной – как бы загнивает.

А теперь посмотрим на нашу земную жизнь как бы со стороны. Каждый человек – это своеобразный «кирпичик» в Божием мироздании. Но что бывает с домом, в котором обнаружится много гнилых кирпичей? Каждый понимает, что он скоро рухнет. Подобным образом происходит и в нашей жизни: когда мы грешим, не каемся, не исправляемся, то становимся как бы гнилыми кирпичами. И чем больше таких «кирпичей», тем ближе то время, когда всё здание мира придет в негодность и обрушится.

Обратим внимание, что говорит нам Господь наш Иисус Христос во Святом Евангелии: «*Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого*» (Лк. 21, 34-36).

«*И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех; так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится*» (Лк. 17, 26-30).

Как было в те дни Ноя и Лота – а была привязанность к житейскому и была греховная безпокаянная жизнь – подобное состояние будет и при конце. Отсутствие именно покаянного аскетизма в христианах последнего времени повлечет за собой апокалиптические бедствия на всю вселенную. Найдет на людей, чьи сердца отягощаются *объядением* и *пьянством* (т.е., выражаясь современным языком, всевозможным «кайфом») и привязанностью к земному – *заботами житейскими*, величайшее бедствие – сеть антихриста. Так что грубой ошибкой является разъединение этих двух проблем – аскетической и апокалиптической. Они вытекают одна из другой.

Вопрос: *Но как всё это соотносится с нашей реальной жизнью? Ведь «аскетизм» у нас ассоциируется с подвигами особо призванных людей – например, монахов. При чем тут мы, простые христиане? Что представляет собой этот самый «аскетизм», о котором Вы говорите?*

Ответ: Это есть не что иное, как жительство в покаянии и исполнении заповедей Христовых. Это – творение заповеди, которая изречена Духом Святым через апостола Павла: «***Очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню*** [т.е. святую волю Божию] ***в страсе Божии***» (2 Кор. 7, 1). Вот это и есть обязательный для всех христианский аскетизм. Это не усиленный аскетизм монахов, которые идут на вящие, как бы «двойные», подвиги. А это есть христианское

очищение себя *от всякой скверны плоти и духа*, выражающееся в исполнении заповедей Христовых во всех случаях жизни – самых великих и самых малых.

Конечная цель у всех христиан одна – Небесное Отечество. И в этом смысле нет никакого противоречия между монашеством и жизнью в миру. Епископ Иларион (Алфеев), рассматривая данную тему, говорит: «По сути монашество – не что иное как евангельский образ жизни, стремление к исполнению тех же самых заповедей, которые даны живущим в миру... это [всего лишь] наиболее радикальное выражение того хождения "узкими вратами", к которому Господь призывает всех христиан. ...В "Лествице" и других памятниках аскетической литературы говорится о добродетели странничества. [Это – не есть странничество внешнее, но образ мыслей], когда человек понимает, что не имеет здесь, на земле, "*пребывающего града, но грядущего взыскует*", потому что его духовная родина – Небесный Иерусалим. Именно к нему устремлен духовный взор монаха».[2] Думается, всё это должно относиться и к каждому человеку, именующему себя христианином.

Однако как часто мы не придаем значения своей привязанности к «миру», не осознаем разрушительного действия греха и спасительного действия покаяния на нашу жизнь, настоящую и предстоящую. И не только на нашу личную, но и нашей семьи, нашего общества, нашей страны и даже всей планеты!..

О значении греха хорошо сказано в книге «Преподобный Силуан Афонский» – насколько мы недооцениваем его сущность: «Грех, прежде всего, явление духовное, метафизическое. Корни греха в мистической глубине духовной природы человека. Сущность греха – не в нарушении этической нормы, а в отступлении от вечной Божественной жизни, для которой сотворен человек и к которой он естественно, т.е. по природе своей, призван.

Совершается грех, прежде всего, в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершённый – отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его; он отразится на судьбе самого творящего грех; он выйдет неизбежно за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а, следовательно, отразится на судьбе всего мира. Не только грех праотца Адама имел последствия космического значения, но и всякий грех, явный ли, тайный ли, каждого из нас отражается на судьбах всего мира».[3]

О том же говорит и Священное Писание: «*Правда возвышает язык* [т.е. народ], *умаляют же племена греси*» (Притч. 14, 34). «*Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет*» (Ис. 24, 20). «*Беззаконие опустошит всю землю*» (Прем. 5, 24). Вот действительная причина вчерашних, сегодняшних и завтрашних катаклизмов.

И если грех имеет **такое** влияние на реальную жизнь общества, то будет роковой ошибкой думать, что апокалиптические события не зависят от нашего образа жизни и действий – от наших беззаконий или от нашего покаяния. А потому, осознав это, мы должны серьезно смотреть на нашу сегодняшнюю личную жизнь и, выражаясь словами святителя Игнатия Брянчанинова, «плакать о себе и обо всем человечестве».[4]

Вопрос: *А не слишком ли громко звучит, что от меня лично что-то зависит в этом мире? Ведь на «поле боя» есть более значимые фигуры.*

Ответ: Недавно пришлось услышать похожий – характерный для современного мышления вопрос: «Я что, масон, что ли, или олигарх[5] какой? Что могут значить мои грехи на мировой чаше зла?»

Но Иуда Искариот не был ни масоном, ни олигархом, а всего лишь имел в себе страсть сребролюбия. И... предал Мессию-Христа за 30 сребреников... А теперь подумаем: имеет ли какое-то значение эта «страстишка» на мировой чаше зла?

Нередко приходится слышать и такие возражения: «Мои жалкие покаянные усилия – и могут задержать ход мировой истории!.. Да неужели они что-то значат?!» Но разве мог подумать распятый одесную Христа разбойник, что его сознание справедливости своего наказания и прошение к рядом распятому с ним Праведнику что-то значат в ходе мировой истории?..

А потому будем всегда иметь в виду и помнить те безценные свидетельства, которые оставили нам Святые Отцы – такие, как преподобный Силуан Афонский, о котором сказано, что он «познал в опыте жизни своей, что **полем духовной битвы со злом, космическим злом, является собственное сердце человека**». С этого всё начинается. И это – залог спасения во все времена, в том числе, и в «последние». Ибо как говорит святитель Андрей Кесарийский в своем толковании на Апокалипсис, лукавство диавольских сетей откроется лишь «целомудрствующим и бодрствующим».[6] А безпечно живущих удел таков: «Внемли, яко ихже имена не написана суть в книги животные Агнцевы [книги жизни Агнца-Христа] и живущии на земли, сиречь ничтоже [то есть совершенно] нерадящии о небесных, токмо едино земным прилежаще [единственно к земным делам имеющие прилежание], поклонятся антихристу. Понеже [потому что] они земли прилежат, о небесных нерадяще...»[7]

---

[2] Епископ Иларион (Алфеев). «Вы – свет мира». Изд-во «Эксмо». М. 2009 *(прим. ред.)*.

[3] Архимандрит Софроний (Сахаров). «Преподобный Силуан Афонский», ч. 1. Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2005 *(прим. ред.)*.

[4] Святитель Игнатий Брянчанинов, т. VI. Заключение *(прим. ред.)*.

[5] По словарю русского языка С.И. Ожегова: «Олигархия – политическое и экономическое господство небольшой группы представителей крупного монополистического капитала» *(прим. ред.)*.

[6] «"Целомудрие" – славянское слово, которое несет в себе очень глубокий смысл. Оно говорит о том, что человек должен "целостно мудрствовать", то есть во всех своих поступках и помыслах руководствоваться "*мудростью, сходящей свыше*", которая есть Сам Христос». (Епископ Иларион (Алфеев). «Вы – свет мира». Изд-во «Эксмо». М. 2009) *(прим. ред.)*.

[7] Лицевой Апокалипсис рукописной традиции XVI века с толкованием святого Андрея архиепископа Кесарийского, издательство «Правило веры» 2000 г., Московский Сретенский монастырь *(прим. ред.)*.

Умилостивить Бога и отодвинуть страшные события конца способно лишь искреннее покаяние. «Если бы не было покаяния, давно бы погиб род человеческий», – говорит преподобный Ефрем Сирин.

Пожалуй, уместно будет привести замечательные слова преподобного о силе покаяния более пространно: «О, как велика сила покаяния: оно умилостивляет Бога, уже изрекшего приговор. С кротостью приступает к Нему, напоминает воззреть на свою благодать, и приговор изменяется на прощение. О, как велика сила покаяния: оно склоняет Бога исправить нерадение [людей], когда грех овладел уже человеческим родом! **Покаяние встречает Ангелов гнева и преодолевает их, чтобы не увлекли к гибели; удерживает мечи, удерживает серпы, чтобы не пожинали рода человеческого**.

Ангелы-мстители, видя его, приходят в изумление, и покаяние говорит им: "Под защиту свою беру преступников Закона, ручаюсь за род человеческий, даю Владыке обезпечение за людей..."

Итак, отводит оно Ангелов Богу, начинает ходатайствовать за человечество и в защиту говорит: "Знаешь, Владыко, созданного Тобою человека, знаешь, что сотворен он из персти, что естество его слабо, что крепость его легко сокрушима... Много у человека помыслов, непостоянных дум в душе, сомнительных действий, неправильных дел... [Кроме того] велика сила змия, глубоко его обольщение; грех, по причине его привлекательности, распростерся широко... Помилуй, Владыко, пощади Свое создание, умилосердись к праху, который Ты захотел прославить; удержи угрозу, останови скорое наказание, останови смертный приговор ради меня, покаяния. Я, ходатай за человечество, беру его на свою ответственность и постараюсь привести к Тебе, насколько это позволит природа человеческая".

И Бог уступил покаянию, склонился на прошение, согласился всегда иметь снисхождение к человеческому роду, определил, чтобы покаяние предводительствовало немощным естеством, и дал ему власть над немощью человеческой; определил срок Суда и повелел покаянию не преступать своих пределов в день Суда, не изъявлять желания продолжить свою власть, а скорее, стать обвинителем, если человек пренебрегал столь долгим терпением; не просить милости, чтобы срок был отложен, но с негодованием приступить к отмщению.

И покаяние соглашается на эти повеления и умиротворяет Ангелов. Бог прекратил угрозы, и ниневитяне спасены. Покаяние ходатайствовало, и городу возвращено благоденствие. **Под городом подразумевается вся вселенная и под ниневитянами – всё человечество.** Пощада Ниневии распространилась на всех...»[8]

Быть может, именно по этой причине не благоволил Бог открыть земнородным срок Судного Дня. И хотя преподобный Ефрем говорит, что «определил Бог срок Суда», но что следует понимать под этим словом? Похоже, что этот «срок» зависит от нас – от каждого в отдельности, ибо другой Святой Отец, преподобный Макарий Египетский, поясняет на примере с содомлянами, **что** полагает предел долготерпению Божию: «Когда не осталось в содомлянах... **искры покаяния**, по Суду Божию они стали добычей огня».[9]

К сожалению, некоторые люди, рассуждая на эту тему, очень любят уклоняться в определение сроков – что, конечно же, является большой ошибкой. Встречается множество всяких предсказаний на тему «конца света». И вот, бывает, читаешь такой «пророческий» текст и там встречаешь «вычисленные» даты. И сразу чувствуешь ложность такого предсказания. Потому что если Сам Господь не благоволил открыть нам этого, сказав, что «*не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти*» (Деян. 1, 7), то мы кто такие? Но увы – мы, искушаемые самомнением и прельщаемые врагом, хотим знать то, что Господь скрыл. А нам ведь не сроки нужно знать, а познавать свои ежедневные грехи, каяться в них, стараться **ежедневно** жить по совести и по заповедям Евангелия, и, таким образом, быть готовыми в любую минуту перейти в безпредельную вечность. Мы забываем, что **наш личный Апокалипсис совершается ежедневно** нашим отступлением от исполнения воли Божией, и **кончина века для нас – смерть**, которая, может быть, постигнет нас даже завтра. А мы об этом не думаем, и тем самым допускаем большую – даже, можно сказать, роковую ошибку.

Так что делом нашей жизни должно быть (или стать, если этого еще нет) покаяние и исправление, в том числе, удаление от всего того, что отрывает и отдаляет нашу душу от Бога, ибо это – самая страшная апостасия и самый пагубный для нашей души частный и личный апокалипсис, из которого составляются всеобщие апокалиптические бедствия.

---

[8] Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Сергиев Посад, 1912. Ч. 3. *(прим. ред.)*.

[9] Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. 4-е изд. Сергиев Посад. 1904 г. *(прим. ред.)*.

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 8

«Иоанно-Казанский Сезеновский монастырь к концу XIX — началу XX века приобрел завершенный вид. Расположенную на высоком берегу речки Сквирни, в местности, изобиловавшей многочисленными логами и оврагами, женскую обитель окружала основательная кирпичная ограда. Монастырские стены были аккуратно оштукатурены и побелены, украшены крепкими башенками, высокими въездными арками. Со стороны монастырских садов, от речки Сквирни на высокий холм к парадным Святым воротам вела широкая дорога»...

Рассказав в предыдущих номерах «Задонского паломника» краткую, но славную историю Иоанно-Казанского женского монастыря, Великим постом этого года решили мы посетить эти святые места, где благословением правящего архиерея Липецкой и Елецкой епархии епископа Никона (Васина) с осени 2005 года начато возрождение иноческого жительства.

— Когда в 2003-м году Святейший Патриарх и Синод доверили мне управление только что созданной нашей епархией, а потом и утвердили в должности правящего архиерея, одной из главных поставленных задач было возрождение приходов и монастырей, — вспоминает владыка Никон. — И Лебедянь с ее окрестностями привлекла наше особое внимание. Некогда это был один из поистине святых уголков Тамбовской губернии, славный иноческими обителями — древней Свято-Троицкой Лебедянской, Троекуровской, Сезеновской. Но безбожное советское время и здесь оказалось безжалостно. Монастыри разрушили, насельников разогнали. И вот мы взялись за восстановление порушенного. А к 2005 году как раз стала ясна судьба мощей основателя Сезеновской обители — блаженного Иоанна, в свое время сокрытых от воинствующих безбожников в селе Мечевка Тульской области, и достигнута договоренность о возвращении их в место подвигов блаженного Иоанна. Тем же летом тамбовскими археологами были обретены мощи первостроительницы монастыря старицы Дарии Кутуковой и первой его управительницы — игумении Серафимы (Моргачевой), Евфимии в схиме. А потому по осени 2005 года и было решено поручить возрождение Иоанно-Казанского монастыря духовно опытным матушкам из Благовещенской обители села Ожога. Материальное попечение о первоначальном их устроении взял на себя Владимир Алексеевич Межевов, генеральный директор ОАО «Русская АПК» Лебедянского района, на чьей территории расположено село Сезеново с руинами монастыря...

Троицкий собор, где покоятся мощи святых угодников: блаженного Иоанна, преподобных Дария и Серафимы — основателей Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Место это до сих пор производит удручающее впечатление. Горько видеть вместо когда-то благоустроенной обители развалины. Нет теперь даже речки Сквирни — она была запружена и превратилась в огромный пруд, «самый большой по площади... в Лебедянском районе», как гордо отмечают светские источники. Нет и прежней «широкой дороги». Впрочем, еще несколько лет назад тут вообще было сплошное бездорожье. Это теперь до самой возрождаемой обители от поворота с асфальтовой трассы, ведущей через село Вязово в Тамбовскую область, проложена дорога, удобная в любую погоду. Совершилось это молитвами владыки Никона и попечением губернатора области О. П. Королева. Узнав о возрождении святыни в Сезеново, Олег Петрович не преминул побывать на месте и поинтересоваться у матушек их нуждами...

— Дорогу бы нам к монастырю, — смиренно попросили насельницы...

И дорога была сделана. Так что, по крайней мере, подвоз стройматериалов и прочего, столь необходимого для возрождения монастыря, ничто не затрудняет. А возить придется еще очень и очень много. Разрушена монастырская ограда, взорван построенный по благословению блаженного Иоанна Казанский храм, в руинах святые врата и Христо-Рождественская церковь. В последней пока только проведена расчистка здания от многолетнего

мусора — здесь хранили удобрения, а в подвале, в конце концов, устроили скотомогильник. Пришлось также срочно укреплять углы церковного здания, покоящегося на бутовом фундаменте.

Но основные силы сосредоточены на восстанавливаемом Троицком соборе. Выполнена отделка нижнего его этажа. И 7 июля 2008-го, в день Рождества Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна преосвященнейший Никон, епископ Липецкий и Елецкий, освятил здесь престол в честь Рождества Пресвятой Богородицы. А сразу после праздничного богослужения в монастырь доставлены были мощи святого блаженного Иоанна Сезеновского. Ныне мощи подвижника, как и мощи преподобной Дарии и игумении Серафимы пребывают в Рождество-Богородицкой церкви открыто, в гробничках, установленных над теми местами, где покоились праведники до разрушения храма. Темные плиты в беломраморном полу отмечают места прежних погребений.

Побелка стен уже изрядно ошелушилась. Дело в том, что еще невосстановленный храм съедает сырость. Отчасти не находят выхода воды святого колодезя, ископанного по благословению блаженного Иоанна и достигавшего глубины 50 метров, откуда поднимали воду с помощью «специального устройства». В советское время колодезь, расположенный прямо под северо-западным углом храма, был завален. Лишь недавно удалось установить его истинное расположение и расчистить верхнюю часть. Но завален оказался и соседний овраг, нисходивший к речке Сквирне и, видимо, служивший своего рода дренажем для водного горизонта, питавшего колодезь. И, конечно же, сказалось на уровне подземных вод превращение Сквирни в пруд. Так что для сохранения Троицкого храма еще на века необходимо не только завершение строительно-ремонтных работ, но и устройство современной дренажной системы. А это немалые деньги...

Слава Богу, на общее восстановление немало жертвуют благотворители, первые из которых — лебедянцы Борцовы. Отец — депутат Госдумы от Липецкой области — Николай Иванович и сын — Юрий Николаевич, бывшие совладельцы консервного завода, основатели «Благотворительного фонда Борцовых». В частности, их попечением изготовлены в Волгодонске и доставлены в Сезеново вызолоченные купола и кресты для Троицкого собора. Но, чтобы купола поставить, надо заново отстроить кирпичные барабаны четырех боковых глав собора, разобранные в советское время. Это — одна из первоочередных задач нынешнего строительного сезона в обители. А затем — установка уже заготовленных пластиковых окон в проемах второго этажа и барабанов.

Жилой корпус: кельи и трапезная монастыря

Естественно, такую работу силами насельниц и даже доброхотных помощников не сделаешь — тут нужны строители-профессионалы. Поэтому обители приходится насколько, конечно, позволяют средства, не только нанимать квалифицированных рабочих, но и содержать нескольких на постоянной основе. Но это сейчас, благодаря помощи щедрых жертвователей, появилась возможность нанимать работников. Начиналось же все по-другому — и убиралось, и строилось руками насельниц...

Когда 5 октября 2005 года В. А. Межевов, гендиректор агрофирмы «Русская», сразу взявший матушек, как говорится, «под свое крыло», привез первых насельниц к руинам обители, то больше всего поразило их не столько представшее глазам разорение, а море непроходимого, выше человеческого роста бурьяна, буквально захлестнувшее то, что осталось от монастыря.

5 октября в Сезеново приехали из Ожоги две тамошние воспитанницы — Феофания и Николая. Благословением правящего архиерея старшей была поставлена монахиня Феофания, подвизавшаяся в Ожоге с 1992 года под личным руководством опытного старца — архимандрита Валерия (Мирчука), в тайной схиме принявшего имя Серафим. Отец Валерий и постриг ее в монашество в конце 1990-х годов.

Поселились первоприбывшие в пустовавшем неотапливаемом домике, где и ремонт печки пришлось делать, и уголь с дровами завозить, чтобы можно было перезимовать. И принялись за борьбу с тем самым бурьяном. Постепенно на помощь пришли человек 5 местных, в числе которых была и 80-летняя бывшая учительница. А когда территорию очистили от бурьяна, оказалось, что строительный мусор, оставшийся после взрыва Казанской церкви, сгребли к Троицкому собору, фактически похоронив под ним весь нижний этаж (тот самый, что ныне восстановлен). Пришлось проводить настоящие раскопки. Тут два лета подряд здорово помогали археологи-тамбовцы — хоть и приезжали всего на пару недель, но молодые сильные ребята успевали многое.

Конечно, выделяли благодетели технику, но и руками пришлось поработать немало.

— Возили землю и мусор тачками, таскали на носилках, в корытах. С утра до вечера не разгибались —

те тяжелые дни, мозоли со ссадинами, когда шла уборка оставшихся после Казанского храма завалов, и сегодня свежи в памяти матушки Феофании.

Матушка Феофания, и ныне остающаяся старшей монахиней в Сезеново, на мирские дела смотрит взглядом практичным, а потому о восстановлении взорванного Казанского храма не помышляет. Но вот память о том, что воздвигнут он был по непосредственным указаниям блаженного Иоанна, сохранить хочет. Как известно, планируя построить на этом месте храм, Сезеновский подвижник лично все размерил и на местах, предназначенных для престолов, водрузил деревянные кресты. А потому и хочет нынешняя управительница возрождаемой обители устроить на месте уничтоженного храма зеленую травяную лужайку с крестами на месте бывших здесь престолов.

В ближних же планах благоустройства монастырской территории — прокладка мощеных дорожек к келейному корпусу — уже и камень для брусчатки завезен. Да и сам келейный корпус, переделанный из заброшенного колхозного детского сада еще немалой внутренней отделки требует. Полностью закончен ремонт на первом этаже, где расположились трапезная, кухня, кельи и служебная комната, которая одновременно является и ризницей, и канцелярией, и складом. В окончательном же варианте под ризницу и канцелярию выделят особые кельи на пристроенном втором этаже. Там же разместятся кельи настоятельницы, казначеи и швейная мастерская.

В том, что кельи для настоятельницы и казначеи скоро понадобятся, матушка Феофания не сомневается:

— По благословению владыки Никона сейчас идет подготовка необходимых документов для представления в Синод о признании нас монастырем. Мы этого ждем с большим нетерпением — ведь тогда и гражданский устав зарегистрировать можно будет и статус юридического лица появится, а значит много проще будет решать хозяйственные вопросы.

Пока же в Сезеново формально просто небольшая общинка сестер, принявших монашеские обеты и, по доброте руководителя местного хозяйствующего субъекта, поселившихся в развалинах старинного монастыря.

Монахиня Феофания у святого колодца

Всего сестер сейчас шестеро. Все — из Ожоги. Среди них — три престарелых схимницы. Одна из матушек в годах несет послушание алтарницы, другая — церковницы, третья продает свечи в храме. Богослужения в церкви Рождества Пресвятой Богородицы совершаются в субботние и воскресные дни, а также по большим праздникам духовенством из Лебедяни, поочередно. На клиросе поют две молодые инокини и сама монахиня Феофания. Она изначально от послушаний даже самых тяжелых не бегала. К тому и сестер приучает личным примером. А послушаний на шесть насельниц, из которых только трое способны на физическую работу, не счесть...

Помимо строительно-восстановительных забот появились у сезеновских насельниц и хозяйственные. Обрабатывают матушки 70 соток огорода, курятник построили, кур завели. Но главная хозяйственная опора восстанавливаемой обители по-прежнему Межевов — и продукты выписать, и технику выделить, и помочь в чем срочно — никогда не откажет. Сестры искренне молятся за здравие своего благодетеля.

Сейчас совершают они молитву соборно в благоустроенном просторном храме. А первая служба в Сезеново — водосвятный молебен на Крещение 2006 года — совершена была в домовой церкви, переделанной из отданной сестрам обычной квартиры в колхозном доме на несколько хозяев. «Еще и штукатурка не просохла, а служили — так хотелось свою церковь», — вспоминает Феофания. И вплоть до весны 2008-го службы совершались в этой тесной домашней церковке. Меж тем, паломники, прослышав про восстановление обители, стали сюда заглядывать все чаще. И организованно — с приходов, автобусами, и так, по личной инициативе. Поэтому, как только в основном были завершены отделочные работы в нижнем этаже Троицкого собора, службы стали совершать здесь — без престола, на антиминсе, вплоть до официального освящения.

Здесь же, в восстановленной части Троицкого собора, у гробниц блаженного Иоанна Сезеновского, Христа ради юродивого, преподобной Дарии, первоначальницы Сезеновской и преподобной Серафимы (Евфимии в схиме), игумении Сезеновской, вычитывают по утрам монашеское правило матушки-схимницы. А тем временем молодые сестры спешат на послушания. Вот так — совместными трудами и молитвами сезеновских сестер вновь возникает из небытия Иоанно-Казанский монастырь, предстательствуемый пред Ликом Господним сразу тремя прославленными в лике святых первооснователями-строителями, чьи мощи ныне вновь открыто почивают в месте их богоугодных подвигов...

Л. МОРЕВ

Преподобноисповедник Георгий (Лавров)

Православный Елец и ныне свято чтит память протоиерея Николая Овчинникова (в постриге иеросхимонаха Нектария), с 1960-х годов бывшего тем, кто хранил в Ельце неувядающий росток оптинского старчества, окормляя и духовенство, за что звали его «отцом отцов», и мирян – как малых мира сего, так и великих. Не будучи уроженцем Ельца, он сроднился с землей Елецкой и ее людьми духом, упокоившись в 1985 году здесь, во граде, который святитель Тихон Задонский именовал «Сионом».

Этот поистине дар духовный земле Елецкой сделали прямые наследники прежних оптинцев – последний соборно избранный старец Нектарий Оптинский и преподобноисповедник Георгий, Даниловский чудотворец, получивший также опыт духовного воспитания в Оптиной пустыни и, собственно, ставший для тогда еще только взрослеющего студента-медика Николая Овчинникова образцом мужа совершенного, достигшего меры полного возраста Христова (см. Еф. 4, 13-14).

Отец Георгий ко времени их встречи в первой половине 1920-х годов имел за плечами не только опыт традиционного монашеского делания, но и, благодатью Божией, оставляющий неизгладимую печать соприкосновения с чудом, с явным проявлением Промысла...

Хотя в 1868 году, когда родился 28 февраля в крестьянской семье Дмитрия и Феклы Лавровых из деревни Касимовка Ламской волости Елецкого уезда Орловской губернии сынок, во крещении нареченный Герасимом, вряд ли кто провидел для него такой путь.

Семья была набожной. Более того, в юности Фекла Архиповна сама хотела уйти в монастырь, но родители выдали ее замуж. А потому мать Герасима очень хотела видеть в ангельском чине хотя бы одного из своих сыновей и о том неустанно молилась. В семье частенько заходили разговоры на эту тему. И Герасим, будучи мальчиком резвым и даже дерзким, только весело отшучивался: «Ишь ты какая, сама не пошла, а нас – в монастырь!» На что мать обычно отвечала: «От тебя, озорника, я этого не жду».

Но вышло так, что именно беззаботного озорника Герасима избрал Господь. Лавровы часто бывали на богомолье в святых местах. И вот в одну из поездок в Троице-Сергиеву Лавру Герасим с детской непосредственностью молился у святых мощей преподобного Сергия о даровании ему счастья. И вдруг в душе своей он услышал ответ: «Иди в Оптину». Мальчику было около 10 лет, а потому и послушались родители его настойчивых просьб съездить в Оптину, видимо сопровождавшихся и исправлением характера, подтверждавшим серьезность намерений.

Герасиму было одиннадцать или двенадцать лет, когда он впервые вошел в Святые врата обители. Прибывшие богомольцы по обычаю направились к преподобному старцу Амвросию за благословением. Когда мать с сыном в толпе других подошли к старцу, то он обнял отрока за голову, благословил и особо отметил его как будущего инока.

Оптина произвела глубокое впечатление на Герасима. Он вернулся в свою деревню, радостно вспоминая обитель. Постепенно у него созревало желание поступить туда для иноческого жительства, и спустя десять лет Герасим навсегда покинул родительский дом ради дома Отчего. Это было в 1890 году, уже после смерти отца. Фекла Архиповна горячо переживала разлуку с сыном, но с любовью собрала его в дорогу и благословила иконой Пресвятой Богородицы. Материнское благословение, образ Божией Матери, отец Георгий принял в свое сердце, всю жизнь почитал Царицу Небесную, вверяя Ее предстательству себя и своих духовных детей. Любовь же к матери святой старец пронес через всю жизнь и всегда учил чтить матерей и исполнять их благословения.

В Свято-Введенской Оптиной пустыни Герасим был принят на добровольное послушание. Поначалу трудился он по хозяйственной части – на кухне, в пекарне, на свечном заводе, в поле, занимался рыбной ловлей; в 1894 году проходил послушание при казначее, затем был помощником ризничего.

И вот 10 октября 1898 года послушник Герасим Лавров был определен в число братии монастыря, а 23 июня 1899-го пострижен в монашество с наречением имени Георгий (в честь святого великомученика Георгия). 24 октября 1902 года монах Георгий был рукоположен во иеродиакона. Видя его ответственность и исполнительность, иеродиакону Георгию все чаще стали поручать ответственные послушания, для исполнения которых приходилось ездить в Москву, Петербург, Калугу. Все отец Георгий стремился исполнять внимательно, тщательно, стараясь не погрешить ни в какой мелочи. Уважение к нему росло. Но именно

тут и ждало искушение хозяйственного иеродиакона, все более увлекавшегося разрешением проблем мирских...

В то время скитоначальником в Оптиной был маститый старец, отставной полковник Варсонофий (Плиханков), причтенный ныне к лику святых в числе Собора преподобных Оптинских старцев. И у иеродиакона Георгия отношения с игуменом Варсонофием на почве несогласия в методах управления скитом и обителью (в частности, по поводу постоянного проживания в ней мирян) не заладились до такой степени, что, как пишут авторы некоторых житий, это «вызвало в Оптиной разделение в среде монахов – событие доселе там неслыханное». Пришлось Святейшему Синоду назначить ревизию в самом начале 1911 года. В результате в 1912 году о. Варсонофий был возведен в сан архимандрита и возглавил Старо-Голутвин Богоявленский монастырь, где в 1913 году и скончался. Недолго оставался в Оптиной и о. Георгий. 2 января 1914 года иеродиакон Георгий был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь и указом Святейшего Синода от 31 октября 1915 года назначен на должность настоятеля с рукоположением в сан иеромонаха. Всего он провел в Оптиной 24 года.

А далее, вплоть до конца 1918 года, настоятельствовал в Мещовском. Это были трудные годы – неспокойствие военных лет вскоре сменила революция и, возможно, разногласия со старцем Варсонофием были для о. Георгия своего рода промыслительной школой руководства монашеской общиной во дни смятения. И оказалось, что уроки этой школы он усвоил на «отлично». Монастырь не только существовал под умелым управлением настоятеля-иеромонаха, но и подкармливал голодающие соседние деревни. Отец Георгий не сидел сложа руки, а, как и прежде в Оптиной, много разъезжал по хозяйственным делам, то тут, то там изыскивая благотворителей.

И в одну из таковых поездок, в Калуге, произошла рядовая, на первый взгляд, история. На одной из калужских улиц к нему подошла женщина и попросила напутствовать умирающего мужа, купца, Святыми Таинами. Отец Георгий причастил больного, а тот поделился своим горем: он умирает, а семье грозит полное разорение, так как дом пришлось заложить, и уже через два дня должны состояться торги. Батюшка сочувственно воспринял рассказ умирающего, вызвал на торги одного из своих друзей-купцов и тот так взвинтил цены в ходе аукциона, что все долги оказались покрыты вырученной сумой. Не знал тогда Мещовский настоятель, как откликнется ему эта быстро позабытая, одна из многих для него, историй с помощью страждущему...

Наступила зима 1918-го. И 9 декабря в Мещовский монастырь ворвались большевики, обыскали все помещения, произвели разгром обители, осквернили святыни. Иеромонах Георгий был арестован.

Первое время после ареста иеромонах Георгий содержался под стражей в городе Мещовске; 13 марта 1919 года был помещен в Калужскую губернскую тюрьму; 30 мая вновь переведен в Мещовск, где состоялся суд ревтрибунала. Настоятеля обвинили в хранении оружия, в принадлежности к «тайному заговору», и 4 июня 1919 года он был приговорен к расстрелу.

В камере смертников, куда поместили отца Георгия, стоял такой холод, что замерзала вода. Мучил голод и насекомые. Заключенным удалось из проволоки сделать кипятильник, и так они грели воду. Вначале здесь находилось тридцать семь узников, почти каждую ночь забирали на расстрел пять-шесть человек, пока не осталось семеро приговоренных.

А на следующий день к отцу Георгию подошел сочувствовавший ему тюремный сторож и незаметно предупредил: «Батюшка, готовьтесь, сегодня я получил на всех вас список. Ночью уведут». «Нужно ли говорить, что поднялось в душе каждого из нас? – вспоминал позже старец. – Хотя мы знали, что осуждены на смерть, но она все стояла за порогом, а теперь собиралась его переступить... Не имея сил оставаться в камере, я надел епитрахиль и вышел в глухой, без окон, коридор помолиться. Я молился и плакал так, как никогда в жизни, слезы были до того обильны, что насквозь промочили шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными потоками. Вдруг я увидел возле себя незнакомого человека. Он участливо смотрел на меня, а потом сказал: "Не плачьте, батюшка, вас не расстреляют". – "Кто вы?" – удивился я. – "Вы, батюшка, меня забыли, а у нас здесь добрые дела не забываются. Я тот самый купец, которого вы в Калуге перед смертью напутствовали". И только этот купец из моих глаз исчез, как вижу, что в каменной стене коридора брешь образовалась. Через нее я увидел опушку леса, а над ней, в воздухе, свою покойную мать. Она кивнула мне головой и сказала: "Да, сынок, вас не расстреляют, а через десять лет мы с тобой увидимся". Видение окончилось, и я опять очутился возле глухой стены, но в душе у меня была Пасха! Я поспешил в камеру и сказал: "Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте слову священника". Я понял, что купец и матушка говорили обо всех нас. Великая скорбь в нашей камере сменилась неудержимой радостью. Мне поверили и... кто целовал мои руки, кто плечи, а кто и сапоги. Мы знали, что будем жить».

А дальше начались чудеса. Вагон, который должен был доставить смертников на расстрел в Калужскую тюрьму, прицепили не к тому поезду и он попал в Москву. Заключенных из Мещовска временно поместили в Таганскую тюрьму. Пока шло разбирательство, ВЦИК объявил амнистию. В частности, отцу Георгию расстрел заменили 5-летним тюремным сроком, который он и отбыл в Таганской и Бутырской тюрьмах.

Таганская тюрьма стала еще одной школой для отца Георгия – школой подлинного смирения и любви к ближнему. Некогда толковый управитель, дерзнувший вступить в конфликт с убеленным сединами и почитаемым скитоначальником, потом – настоятель самостоятельного монастыря не раз удостоенный наград за успешное управление обителью, становится здесь простым санитаром. Был в Таганке М. А. Жижиленко, тюремный врач-терапевт, вскоре назначенный главным врачом тюрьмы

(принявший тайный постриг с именем Максим, он в 1928 году был хиротонисан во епископа Серпуховского). Именно Михаил Александрович научил отца Георгия простейшим медицинским навыкам: перевязкам, промываниям, компрессам, и батюшка был поставлен на должность тюремного санитара. Но отец Георгий, сам бывший на шаг от смерти, не просто облегчал физические страдания соузников – он делал это с отеческой любовью, стараясь, насколько можно, уврачевать раны душевные. Облегчая телесные и душевные недуги страждущих, омывая их раны, он исповедовал и причащал желающих. Он не гнушался никакой грязной работой, памятуя, что «*Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*» (1 Пет. 5, 5). Один соузник вспоминал: «Небольшая чистая камера в Таганской тюрьме. Посреди нее стоит иеромонах, исполняющий должность санитара. Вереница больных проходит через комнату. Большинство страдает экземой, язвами на ногах... Отец Георгий... как милосердный самарянин, обмывает гнойные раны. Каждого старается утешить бодрым словом, шуткой-прибауткой». «Не тужи, золотце мое, все будем свободны... Веруй всегда в милость Божию», – часто говорил он заключенным.

И столь явна была дарованная за смирение отцу Георгию благодать, что к нему все чаще шли за духовным советом, за утешением в предсмертной тоске. Если кто из приговоренных хотел исповедаться и причаститься у него, то делалось все возможное, чтобы он мог дать церковное напутствие. Были случаи, когда сами тюремщики приводили смертника в перевязочную комнату к батюшке. На собственном опыте переживший близость смерти, он умел говорить с таким человеком о Божией правде и о Божием милосердии.

Одновременно с отцом Георгием в заключении находились митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и настоятель Московского Данилова монастыря епископ Феодор (Поздеевский). Оба архиерея заметили иеромонаха Георгия среди прочих узников. Митрополит Кирилл благословил отца Георгия на старчество, а архиепископ Феодор в 1922 году принял в Данилов монастырь, взяв из тюрьмы на поруки.

Архиепископ Феодор с любовью принял отца Георгия в монастырь, хотя батюшка не принадлежал к числу ученой братии, которая собиралась вокруг настоятеля. Поселив его вначале в братском корпусе, что напротив Троицкого собора, владыка Феодор вскоре предоставил ему келию в нижнем этаже древнего храма в честь Святых отцов семи Вселенских Соборов, справа от входа в Покровскую церковь. Напротив келии находился небольшой домовый храм святых праведных Захарии и Елисаветы. В этой крошечной церкви отец Георгий, возведенный в сан архимандрита, в будние дни принимал приходящих на исповедь и на совет. В благодатной тишине храма умягчались сердца людей, и всякая душа располагалась довериться мудрому старцу. В праздники архимандрит Георгий исповедовал в Троицком соборе в левом приделе, за ракой с мощами святого благоверного князя Даниила, к тому времени уже перенесенной из храма Святых отцов.

Преподобноисповедник Георгий (Лавров)

Исключительное внимание архимандрит Георгий уделял молодежи. «Путь человека складывается смолоду, и потом трудно его изменить», – говорил он. О самых младших, еще не укрепленных своих «детках», старец особенно тревожился. Из ссылки он писал духовному сыну: «Прошу тебя, убереги мои цветочки от этого Вавилона».

С детьми отец Георгий был всегда добр и ласков. «Все ко мне идут, несут свои скорби, а вы у меня как пташечки, легкие, все у вас хорошо, и я отдыхаю с вами», – бывало, говорил он. Он подолгу беседовал с детьми, участливо и серьезно интересовался их проблемами: отношениями с домашними, школьными делами, играми, а с девочками мог обсудить и фасон будущего платья. В карманах его рясы всегда были конфеты, пряники, другие сладости, которыми он одаривал малышей. И те платили ему своей детской преданностью и любовью.

Многие молодые люди горели желанием уйти в монастырь, но батюшка благословлял на это редко, видя, как государство относится к Церкви и провидя еще большие гонения. В большинстве случаев рекомендовал учиться, приобретать специальности по своим способностям и возможностям, развивать данные Богом таланты и не обращать внимание на неустройство быта. Кстати заметить, что некоторые чада, тогда еще студенты, впоследствии стали видными учеными, несмотря ни на что сохранившими Христа в своем сердце.

Часто старец давал своим «деткам» наставления, облеченные в легко запоминающиеся образные формы. Бережно записанные ими, некоторые из его «поговорок» сохранились: «Берегите дорогое, золотое время, спешите приобрести душевный мир»; «Жизнь наша не в том, чтобы играть милыми игрушками, а в том, чтобы как можно больше света и теплоты давать окружающим людям. А свет и теплота – это любовь к Богу и ближним»; «Ласка от Ангела, а грубость от духа злобы»; «После бури – тишина, после скорби – радость»; «Не будь обидчивой, а то станешь, как болячка, до которой нельзя дотронуться». На вопрос, можно ли узнать, где проявляется воля Божия, а где и от человека зависит, он отвечал: «Можно, только нужно внимательно вглядываться в жизнь, а то большей частью мы невнимательны». Еще он говорил: «Нет, деточка, сейчас, смолоду, надо про-

кладывать жизнь правильно, а к старости уже не вернешь времени. Одного мудреца спросили: "Что дороже всего?" – "Время, – ответствовал мудрец, – потому что по времени можно приобрести все, а самого времени нельзя купить ни за что"». Тех, кто много спит, батюшка назидал: «Проспишь Царство Небесное». Если духовные дети отца Георгия постом излишне безпокоились, постно ли купленное ими яство, он весело пресекал это «буквоедство»: «Э, деточка, да кто же его оскоромил?»...

В числе тех, кто приходил на исповедь к о. Георгию, был студент II Московского медицинского института Н. А. Овчинников, который вначале окормлялся у оптинского старца о. Нектария (Тихонова), а позже о. Нектарий благословил Николая Овчинникова быть под духовным руководством о. Георгия.

Одной из самых близких духовных дочерей о. Георгия была М. А. Хохлова (впоследствии монахиня Мариамна), Марусенька, как ласково называл ее старец. Она училась в том же медицинском институте, что и Николай Овчинников, но хорошо друг друга они не знали. Маруся Хохлова пела в хоре храма Христа Спасителя. В деканате факультета по доносу об этом узнали, и ей грозило исключение из института. Как вспоминала впоследствии Мария Алексеевна, она попросила о. Георгия помолиться за нее, и по молитвам старца «разбирательство ее «дела» поручили Николаю, бывшему членом студенческого совета. Все благополучно разрешилось». А вскоре Маруся Хохлова и Николай Овчинников поженились, хотя перед Николаем стоял выбор между монашеством и семейной жизнью.

Но оба старца: Оптинский Нектарий и Даниловский Георгий благословили его до времени послужить в миру.

Николай Александрович Овчинников стал выдающимся хирургом, а впоследствии был рукоположен во священника и служил в Вознесенском соборе г. Ельца, где принял схиму с именем Нектарий. В семье Овчинниковых всегда особо почитался Владимирский образ Божией Матери – благословение старца Георгия. На самом почетном месте на столе у них находилась и фотография старца с памятной надписью...

Мария Хохлова присутствовала при аресте о. Георгия в июне 1928 года. Сохранились ее воспоминания об этом, приведенные в житии преподобноисповедника Георгия. Вот что она рассказала: «Я часто помогала батюшке, убиралась, готовила. Однажды задержалась до темноты. Собралась домой, а он и говорит: «Нет, Марусечка, уже поздно, переночуешь тут где-нибудь». Устроилась в коридорчике. И вот, чуть забрезжил рассвет, слышу стук. Входят – сколько, теперь уже не помню. Кажется, что очень много было их, а может, это от страха. Предъявили ордер на арест, начали обыск. Я – в слезы. А батюшка, совсем спокойный, говорит мне: «Ну вот, Марусечка, давай-ка мы с тобой помолимся вместе». И встали мы на молитву. Они с удивлением на батюшку озираются, а он вдруг поворачивается, да и говорит, и так спокойно, словно это прихожане его: «А вы скажите-ка мне имена ваши». – «Это еще зачем?» – «А я помолюсь за вас, вы ведь не по своей воле сейчас эту тяжелую работу выполняете». Один усмехнулся и говорит: «Помолись, помолись».

Старцу вменено было в вину, что он «среди многих находившихся под его влиянием верующих вел работу в направлении использования религиозных предрассудков в антисоветских целях». 12 июня 1928 года было составлено обвинительное заключение по ст. 58 / 10 УК, сформулированное следующим образом: «Лавров играл роль «старца» в черносотенном Даниловском монастыре, причем обслуживаемый им контингент состоял главным образом из интеллигентов, быв. людей, торгашей и т.д. Количество «духовных детей» Георгия Лаврова достигало 1000, причем иногда они собирались у него большими массами, до 300 (человек). Лавров среди них вел антисоветскую пропаганду и т.д.» (из «Постановления» ОГПУ от 12.06. 1928 г.).

15 июня 1928 года особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать архимандрита Георгия в Казахстан, в Уральск, сроком на три года. Да из-за бумажной неразберихи пробыл еще и лишний, четвертый.

В ссылке он тяжело заболел. Ему не говорили о том, что у него рак, но старец обо всем догадался и воспринял болезнь как посещение Божие. По весне 1932 года, возвращаясь в Россию, на пароходе, а потом в Нижнем Новгороде, где разрешили ему поселиться, находил в себе силы то и дело повторять сложенную им поговорку: «Рак не дурак, ухватит клешнями – и прямо в Царство Небесное».

После мытарств по съемным углам для умирающего старца нашли хорошую светлую комнату в Кунавино – пригороде Нижнего Новгорода, в небольшом домике, стоявшем среди рощи белоствольных берез, ветви которых качались прямо перед его окном. Увидев их, отец Георгий сказал: «Вот они где, Никифорушкины березки...»

А дело в том, что еще в Мещовском монастыре сошелся близко о. Георгий с местным блаженным Никифорушкой – Никифором Терентьевичем Маланичевым. Отец Георгий приметил в нем не простого человека, а истинного раба Божия и называл его «един от древних». Он любил Никифорушку за его чистую душу, почитал за прозорливость, часто беседовал. В одну из последних бесед Никифорушка и рассказал в присущей ему иносказательной манере, что ждет о. Георгия. Последние слова были: «...Березки качаются»...

Да, это были, действительно, те самые «березки»... 21 июня (4 июля н. ст.) 1932 года после причащения Святых Таин отец Георгий скончался и был погребен на местном Бугровском кладбище.

В октябре 2000 года были обретены святые мощи старца, которые перевезли в Свято-Данилов монастырь в Москве, где они и покоятся в Покровском храме обители.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Подготовлено по житийным материалам преподобноисповедника Георгия (Лаврова) и книги «Святые лики над Ельцом»

Горбун Митя

Пышно цветут сады в этом году. В роскошных подвенечных нарядах, расшитых жемчугами, стоят деревья, воздух звенит от безчисленных птичьих голосов и жужжащих насекомых.

Я лежу на траве, запрокинув голову и зажмурив глаза, весь отдаваясь чарам весны. Забыто все — и житейские невзгоды и горести, забыт и предстоящий экзамен, о котором напоминает только валяющийся рядом анатомический атлас, и, несмотря на то, что меня со всех сторон окружают братские могилы монастырского кладбища, где я сейчас и нахожусь, я лежу в блаженной полудреме, и для меня все сливается в одну торжественную победную песнь жизни над смертью.

Неожиданно в мое сознание начинают врываться какие-то звуки, вносящие определенный диссонанс в окружающий меня мир грез. Мне еще трудно разобраться, но постепенно слух начинает улавливать издалека как бы похоронное пение, временами прерывающееся. Я окончательно прихожу в себя и думаю:

— Кого-то, видно, хоронят!

Приподнявшись и слегка раздвинув ветви куста, под которым лежал, я неожиданно обнаруживаю чрезвычайно странную фигуру человека, облаченного в подобие подрясника, опоясанного яркого цвета шарфом, причем оба подола подрясника заткнуты за пояс, босого, на голове рваная соломенная шляпа. Когда этот человек повернулся спиной ко мне, я заметил у него небольшой горб.

Он медленно проходил между могилками, часто останавливался то у одной, то у другой.

— Упокой, Господи, раба Твоего, — приятным баском запевал он, иногда целуя крест на могилке и осеняя ее многократно крестным знамением.

Вот он подошел еще к чьей-то могилке, и тут уже я услышал нечто такое, что привело меня в полное изумление:

— Эх, брат, брат, говорил ведь я тебе, теперь сам видишь, ну что я могу сделать?

Эти слова, обращенные как бы к живому, меня донельзя поразили.

Между тем, горбун встал на колени, уткнув голову в могильный холмик, и когда через некоторое время он поднялся, лицо его было все в слезах.

До сих пор незнакомец не замечал меня, стоящего за деревом, но вот глаза наши встретились, и он, видимо, в свою очередь тоже удивленный моим присутствием, подошел ближе и сурово обратился ко мне:

— Ты что здесь делаешь?

Я невольно растерялся от этих слов и невнятно пробормотал:

— Да вот, занимаюсь, готовлюсь к экзаменам.

Он пронизывающе оглядел меня с ног до головы и, заметив на траве анатомический атлас с рисунками, так же сурово продолжал:

— Ты что же, на доктора учишься?

— Да, — отвечал я, словно провинившийся школьник перед строгим воспитателем.

— Значит и покойников оскверняешь? — продолжал он допытывать меня.

— Приходится, ведь это требуется для изучения.

— Ах, грех-то какой! А ты хоть молишься за них?

— Да я и имен-то их не знаю.

— А ты молись за всех, коих телеса невольно осквернил. Ведь они были храмами Духа Святаго, — добавил он.

Неодобрительно покачивая головой, он медленно удалялся от меня, а я продолжал стоять, растерянный и сконфуженный.

Уже под вечер, когда я сидел в уютной келье за чаем у своего большого друга о. Эразма и стал расспрашивать его о встретившемся мне незнакомце, батюшка заметил:

— А, да вы это повстречались с нашим Митей. Чудной он, но Божий человек. Все о покойниках хлопочет, любит их больше живых.

— Откуда он? — спросил я.

— Бог весть, пришел вот уже более года и живет у нас, питается и ночует невесть где. Хотя, пожалуй, чаще всего ночи проводит у нас на кладбище. И нет для него большей радости, как псалтирь почитать по усопшем, или могилку ископать, или проводить на место последнего упокоения наших монахов. Мы так и зовем его «Митя гробокопатель». Он ведь начитан и хорошо знает и Священное Писание и Отцев Церкви, — добавил о. Эразм. — Да, Бог ведет человека ко спасению многоразличными путями! — задумчиво закончил он.

Во время последующих посеще-

ний пустыни я не раз встречался с Митей, обменивался с ним поклонами, но почти не разговаривал, хотя как-то он подошел ко мне после церкви и, сокрушенно качая головой, сказал:

— Горько, горько ошибаются люди, думая, что они здесь живут полной жизнью, нет, полная истинная жизнь только там, за гробом, а не в этой юдоли плача.

Иногда я предлагал ему или деньги, или съестное, он их принимал редко, чаще благодарил и отказывался.

Однажды я сидел в одиночестве над обрывом, густо поросшим лесом, и любовался дивной панорамой раскинувшейся внизу, у ног моих, обители. В нескольких шагах от меня зияло отверстие пещеры, в которой некогда жил и подвизался старец Досифей, к которому сюда приходил за советом юный Прохор — в будущем светильник Земли Русской преп. Серафим.

Я вздрогнул от неожиданности, когда внезапно из пещеры кто-то вынырнул. Это был Митя, весь запачканный землей. Видимо, он там отдыхал. Увидя меня, он подошел и сел рядом.

Его лицо, почти лишенное растительности, озарилось мягкой улыбкой.

— Что, хорошо ведь, даже на этой грешной земле, а что там будет, кого Бог удостоит пребывать в Его святых обителях, только бы донести свой крест до конца жизни с терпением. *«Претерпевый до конца той спасется»*.

Мы еще посидели некоторое время молча.

— Ну, мне пора,— заторопился он, вставая. — Спасайся, да покойников не забывай, они нуждаются в твоей молитвенной помощи и взаимно ответят тебе любовью. У Бога ведь нет живых и мертвых, а все живы, и Господу приятна наша любовь к отшедшим душам, особенно без покаянья, и за эту любовь многое тебе простится.

Он отряхнул с подрясника пристившую землю и нахлобучил на голову свою соломенную шляпу.

Я вынул бумажник и протянул ему какую-то кредитку, прося взять ее. Он принял ее как-то нерешительно, повертел пальцами и, отдавая обратно, сказал:

— Да нет, брат, у тебя самого ничего нет, пригодится.

Я стал уверять, что у меня в бумажнике есть еще деньги, но он засунул кредитку в мой боковой карман, и я не смог больше настаивать.

Поздно вечером я садился в переполненный публикой пригородный трамвай, чтобы ехать домой.

Хватившись за карман, я к ужасу своему убедился, что он был пуст, бумажник украли! Не говоря уже о потере денег, я вынужден был около 10 километров шагать усталый домой, не имея чем заплатить за свой проезд, и тут же вспомнил, что у меня ведь в боковом кармане должна быть кредитка, сунутая Митей, сказавшим: «У тебя самого ничего нет, пригодится».

И действительно, пригодилась.

Как-то уже после сдачи очередного курсового экзамена, в конце июня, меня снова потянуло из душного города на приволье.

Тот же радушный о. Эразм, как всегда, напоил меня чайком. Побеседовал я с ним, отдохнул. Пожалев, что на сей раз не смог повидаться с Митей, я заспешил домой. Вышел за ограду я, чтобы сократить путь, стал пробираться по лесной тропинке напрямик к шоссе. Тропинка эта узенькая, вся заросшая травой. Пройдя с сотню шагов, я чуть не столкнулся с Митей.

Очень обрадовался я этой неожиданной встрече и откровенно высказал ему, как мне было грустно уходить, не повидавшись с ним. Видя мою искренность, и Митя был, по-видимому, доволен встречей.

Он ласково обнял меня и тут же пошутил:

— Все недосуг да недосуг, а куда спешить-то, путь-то один — к могиле! О своих грехах не только поплакать, а и вспомнить нет времени. Все поглощает суета мира. Бедные, бедные люди! Вот и ты, — продолжал он. — Любишь посетить наше кладбище, это твой ангел хранитель старается тебя разными путями отвлечь от страшных соблазнов мира, ибо никогда так человек не чувствует своей полной безпомощности перед неизбежностью конца и ненадежности земного благополучия, как на кладбище. Люби отошедших ко Господу, они твои самые верные друзья, — как-то особенно задушевно продолжал Митя. — Премудрый Господь дал человеку непобедимое оружие — любовь, перед которой раскрываются даже двери ада и облегчаются страдания сущих в нем. Ну прощай, да смотри приходи на Петра и Павла к нам.

— Не знаю, право! Ведь это не от меня зависит! Сейчас в летние месяцы я должен особенно много работать, чтобы обезпечить занятия зимой.

— Нет, ты уж обязательно приходи. Как можно в такой праздник не почтить покойников, сколько в этот день у нас их будет именинников, вот и помолимся и помянем их!

Колесо жизни между тем завертелось. Дни мелькали один за другим. Наконец, простудившись, я вынужден был остаться дома, получив на 3 дня отпуск по болезни. Лежа в постели, я вдруг вспомнил: — Да ведь послезавтра Петр и Павел! Как это странно вышло, что этот день я дома, а не на работе. Господи, хотя бы температура упала, чтобы я мог бы попасть хотя бы в ближайший храм. О пустыни я уже и не думал!

Настало 29 июня. С утра я почувствовал себя значительно лучше, голова не болела, оставалась только небольшая слабость, и меня потянуло вдруг в пустынь, где было так тихо, мирно и легко на душе, тем более, что и Митя так настойчиво приглашал меня.

Чудным летним днем я, усталый, но довольный, подходил к пустыни. В небольшом кладбищенском храме, в котором по праздникам всегда совершалось богослужение, уже звонили к обедне. Я вошел через ворота и прямо направился в церковь. Кроме нескольких старушек, отдыхавших на траве, почти никого не было.

Войдя в храм, я остолбенел. Посреди его стоял простой сосновый гроб, а в нем лежал Митя. В первое мгновение я ничего не соображал. Разум отказывался осознать действительность. Прошло несколько долгих минут, пока я, наконец, пришел в себя и, подойдя поближе, стал жадно всматриваться в лицо. Где-то в глубине души была надеж-

да, что это кто-то иной, что я ошибаюсь.

Но нет, несомненно, это был он, кого мы с о. Эразмом любовно называли просто Митей, неведомый, но ставший вдруг таким близким, таким родным — истинный раб Божий Димитрий.

Печать нездешнего покоя и мира лежала на его исхудалом лице, как бы знаменуя окончательное торжество души, освобожденной от уз плоти.

Так вот для чего ты, миром отверженный, но Богом спасаемый, так настойчиво звал меня на апостольский праздник! Неужто за тяжкие, одному Богу ведомые подвиги, Господь открыл тебе и день праведной твоей кончины? Прости же меня, окаянного, что при жизни твоей не сумел оценить тебя по-настоящему. Ослепленному житейской мишурой, мне не дано было видеть в полной мере под твоей скромной внешностью, всю чудную красоту души твоей, которой коснулся луч благодати Божией. Поглощенный своими мыслями, я не заметил, как ко мне подошел о. Эразм.

— Батюшка, да как же случилось все это?

— И сам не знаю. Всего проболел-то три дня. Сильно промок он на похоронах, а потом сразу слег, жар большой, кашель, колотье в груди. Хотели за фельдшером монастырским послать, не велит: «Господь одним мановением может исцелить болящего, если ему это на пользу, а если уже пришло время исхода, не восстанет. Не оставьте меня без врачевания небесного. Причастите меня, и слезно всех прошу помолиться о мне грешном, если отойду ко Господу моему». И есть ничего не ел в эти дни, только св. воду все принимал. Трудно было ему, но с великим терпением переносил он свою болезнь, и вот ушел наш Митя, наш молитвенник, — заплакал о. Эразм.

— Как все мы виноваты перед ним!

У почти самого храма вырос новый молитвенный холмик, такой же скромный и незаметный, как и другие, находившиеся рядом.

На маленьком крестике по-славянски было написано: Раб Божий Димитрий.

И далее стояло:

«Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

Любил при жизни повторять эти слова усопший.

А. П. Тимофиевич,
«БОЖИИ ЛЮДИ»

Христианская поэзия

СВЯТОЙ ЦАРЬ

Есть сокровенные и смыслы и слова:
Небесное благоуханье благородства,
Самозабвенного служенья красота,
Святых — достоинство и слава,
Непостижимая рассудком глубина,
Когда смиренно, ради высшей Правды,
Несут невзгоды, тяготы и раны...

Три образа: Господь, святитель Николай.
И праведный многострадальный Иов,
Не разлучаясь, с Государем были.
И царский путь надеждой осветили
И укрепили в скорбном выборе его...
Неотвратима стала катастрофа —
Царь русский поднимался на Голгофу.

Царем был трудный выбор сделан.
Ему он жизнью оставался верен:
Спасителю — сыновнее служенье,
Любовь и преданность — народу и стране...
Больна была в те времена Россия.
И соблазненные посулами мессий,
Доверчивые люди заблудились...

Душевной силы образец явив:
Смиренья, верности, терпения, любви,
Семья Царя при жизни святостью сияла.
Из заточения они друзьям писали,
Чтобы за них не проливали кровь,
Что новым злом не побеждают зло,
Но может победить его — Любовь.

Глаза внимательны, чисты и сини;
Свет излучает добрый мягкий взгляд.
Царь до конца был верен Богу и России,
И потому — красив, державен, свят.
И сострадая нам, глядят его иконы.
По нашим душам, колокола звоны,
Не оставляя времени, слышны...

Как блудный сын, хлебнув немало горя,
Отважился прийти в забытые края,
Мы возвращаемся к отеческим корням,
За искупление благодаря
Святого благоверного Царя.
И просим вымолить у Бога силы
И время... — чтоб *покаялась* Россия.

Маргарита Сурикова, г. Задонск

НАША БАБУШКА

Наша бабушка не могла видеть ничьих страданий, и стоило при ней только ударить какое-либо животное или раздавить насекомое, чтобы попасть надолго в ее немилость. Раз сестра моя, девочка лет шести, купила себе чижа в клетке. Чиж казался очень веселым: он чиликал, прыгал. Мы все: и братья, и сестры, и я – радовались ему и любовались на него. Пришла к нам бабушка. Сестра, конечно, сейчас же побежала к ней со своим чижом и собиралась уже вынуть его из клетки, как бабушка остановила ее. Она положила ей руку на голову и, нагнувшись к ней, спросила ласково:

– Ты купила птичку для того, конечно, чтобы выпустить ее на волю?

– Зачем? – спросила с удивлением и даже с испугом сестра, подняв на бабушку глаза.

– Извини, девочка, – сказала бабушка грустным голосом, – я думала, что ты добрая и уже большая, чтобы понимать, как дурно, как грешно мучить такое крошечное создание Божие.

– Да кто же его мучит? – спросила обиженно сестра. – Его никто не трогает. У него все есть: и корм, и питье, и посмотрите, какая клеточка, чудо...

С этими словами сестра приподняла клетку к самому лицу бабушки.

– Да, у него все есть, кроме того, что ему действительно надо, – сказала бабушка как бы с укоризной. Она не прибавила больше ни слова, но мы отлично видели, что она недовольна нами.

До обеда бабушка сидела с матушкой, а за обедом она говорила с нами как ни в чем не бывало. После обеда, увидев нас у окна возле клетки, она подошла к нам и стала любоваться на чижа.

– Бедненькая пташка, – сказала она, – думала ли ты несколько дней тому назад, когда летала на свободе, что кончишь жизнь в такой неволе? А детки твои, кормит ли их отец или они все уже померли от голода? А как они ждали тебя, как высовывали свои головки из гнездышка, как разевали большие рты и кричали, кричали! Как им было голодно и как холодно ночью! А вот вы, ребята, во сколько раз больше птички, а что бы вы стали делать, если бы кто-нибудь отнял у вас маму?

Бабушка ушла. Мы молчали. Птичка уже не казалась нам такой забавной... Через полчаса отпертая клетка стояла на открытом окне. Чиж, попрыгивая, приблизился к отпертой дверке и, словно почуяв свободу, встрепенулся всем телом, огляделся во все стороны, сделал два-три прыжка за порог и, как бы не веря своему счастью, остановился, опять оглянулся и, прыгая, вышел на откос подоконника, сел, зачиликал громко, радостно, вспорхнул и, продолжая чиликать, улетел.

– Пусть Господь Бог тебя порадует так же, милая девочка, – сказала бабушка, видевшая всю эту сцену. Она подошла к сестре и крепко поцеловала ее в голову и в лоб.

Сама бабушка считала своей обязанностью откупать на волю птиц. В праздник Благовещения она не только откупала полные клетки птиц, но, когда у нее не было денег, она употребляла все свое красноречие, чтобы убедить продавцов в беззаконности их торговли. Некоторые отвечали ей грубостью, а иные, подумав, отворяли клетки и, глядя, как маленькие пташки толкали и теснили друг друга у дверки, говорили:

– Эк их, словно люди, – от радости ума лишились.

«ИСКРА БОЖИЯ».
Сборник рассказов
для девочек. – М., 2007.